

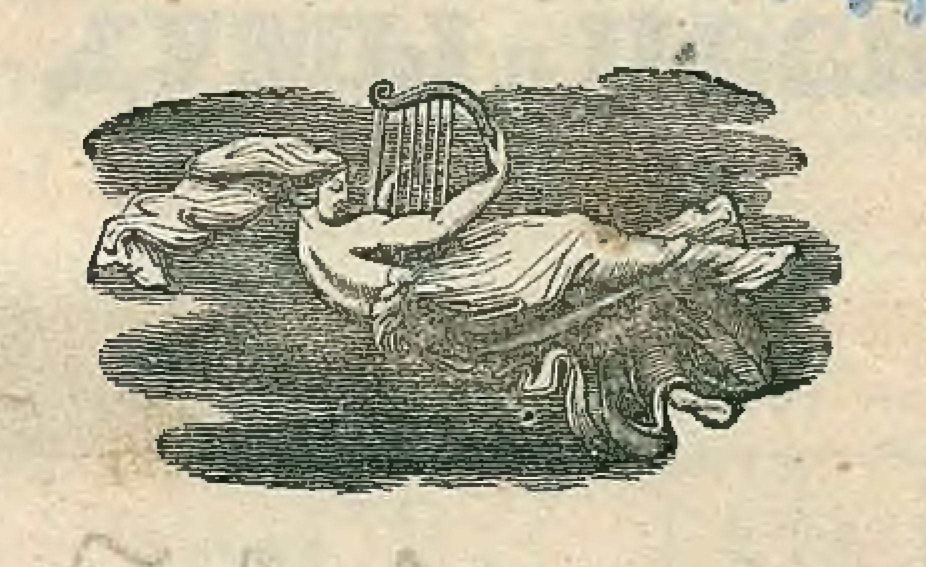
МАЛОРОССІЙСКІЯ

И

ЧЕРВОНОРУССКІЯ

НАРОДНЫЯ

ДУМЫ И ПѢСНИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА и К°.

═

1836.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.

Санктпетербургъ, 6 Мая 1836 года.

Ценсоръ Петръ Корсаковъ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

МАЛОРОССІЙСКІЯ ДУМЫ и ПѢСНИ.

Мы имѣемъ уже два собранія Украинскихъ пѣсень, Гг. Срезневскаго и Максимовича. Я спасъ еще нѣсколько народныхъ пѣсней, и представляю ихъ въ этомъ собраніи. Вѣроятно, это можетъ быть послѣднее ихъ изданіе, заимствованное прямо изъ Малороссіи, – тамъ народныя пѣсни давнымъ давно уже не существуютъ; всѣ онѣ исключительно замѣнены солдатскими, или Великороссійскими пѣснями. Малороссійскій парубокъ за стыдъ себѣ почитаетъ пѣть другія. Пословица справедливо говоритъ: что все хорошо на своемъ мѣстѣ; если Русскія пѣсни такъ прекрасны въ устахъ лихаго солдата или ямщика, то ничего не могутъ быть онѣ ужаснѣе при пѣніи ихъ Малороссіяниномъ, съ его густымъ басомъ и медленнымъ выговоромъ словъ. Пройдитесь по Малоросійскому селенію въ тихую ночь, когда молодежъ собирается на улицу или вечерницу – страхъ невольно пробѣжитъ по вашимъ нервамъ: представьте себѣ мужика, который одну ноту тянетъ съ дребезжущимъ крикомъ до безконечности, заглушающій хоръ подоспѣваетъ въ помощь этому запѣвалѣ – и вы въ опасности потерять органъ слуха...... невольно закрывъ уши, вы уйдете какъ можно далѣе; но въ отдаленности, голосъ пѣвцовъ становится еще непріятнѣе, это совершенный вой волковъ. Примѣчательно, что и женскій полъ въ Малороссіи разлюбилъ свои прелестныя томныя пѣсни, гдѣ воспѣвались любовь и разлу-

ка съ милымъ козаченькомъ, и гдѣ съ такимъ неизъяснимымъ чувствомъ и простотою красавица выражала:

Только минѣ легче станеть,
Якъ крошку заплачу! *или*
Ой не видно того села – только видно хресты,
Туда минѣ любо, мило оченьками свести!

Нѣтъ, теперь ужъ этого пѣнія отъ нихъ не услышите и между ними есть запѣвалы и пискливой хоръ, и какой! не скажу объ немъ ни слова. Не зная Великороссійскихъ женскихъ пѣсней, дѣвушки Малороссійскія поютъ однѣ и тѣ же пѣсни, какія и ихъ парубки, т. е. солдатскія и ямщицкія. Нерѣдко мужчины и женщины поютъ вмѣстѣ эту пѣсню, или, лучше сказать, горланятъ, составляя самый забавный въ мірѣ концертъ..... Проѣзжайте всю Малороссію вдоль и въ поперегъ, и я ручаюсь вамъ, что вы не услышите ни одной національной пѣсни. Изъ дясяти парубковъ едва ли сыщется одинъ, который можетъ вамъ пропѣть «мужицькую писню» и то какую нибудь женскую. И горе ему, если услышатъ это его товарищи, онъ будетъ осмѣянъ какъ «мужикъ». Эти мужицкія пѣсни вы можете услышить только гдѣ нибудь въ уединеніи – въ полѣ въ лѣсу, и то въ искаженномъ видѣ. Новѣйшая Малороссійская народная муза ничего еще не произвела, кромѣ двухъ или трехъ пѣсень о рекрутскихъ наборахъ, которыхъ содержаніе взято также изъ солдатскихъ и имѣютъ Великороссійскіе голоса; тоже должно сказать и обо всѣхъ уцѣлѣвшихъ Малороссійскихъ пѣсняхъ: всѣ онѣ поются на ладъ «парня и дѣвки»; чрезъ двадцать лѣтъ мы будемъ отыскивать настоящіе ихъ

голоса въ Галиціи или въ Венгріи у Карпато-Руссовъ (*). Однѣ только свадебныя и другія обрядныя пѣсни уцѣлѣли.

И такъ эти пѣсни, которыя я издаю, есть уже мертвыя для Малороссіянъ. Это только малѣйшіе остатки той чудной пѣсенности ихъ дѣдовъ, которая была удивленіемъ и самыхъ хулителей всего Украинскаго; не стану разсуждать объ ихъ достоинствѣ и голосахъ, — скажу только, что я почитаю себя исполнившимъ долгъ свой предъ своею родиною, исторгнувъ изъ забвенія эту Южно-Русскую народную поэзію у старцевъ, занесшихъ одну ногу во гробъ. Я посвящаю ее моимъ предкамъ Гетьманцамъ, она имъ принадлежитъ; быть можетъ хотя одинъ листочекъ изъ сего собранія упадетъ на завалившуюся ихъ могилу или долетитъ на высокій курганъ козацкій.

Издатель.

С. П. Б. 1836 года. 4 Мая.

(*) Замѣтимъ еще, что встарину въ Малороссіи, каждый поселянинъ былъ музыкантъ, въ каждой избѣ можно было найти скрипку, гусли или бандуру; теперь едва ли въ большомъ селеніи сыщется одинъ скрипачь; - новѣйшее пѣніе не нуждается въ музыкѣ.

голосахъ Галиціи или въ Венгріи у Карпато-Руссовъ(*). Однѣ только свадебныя и другія обрядныя пѣсни уцѣлѣли.

И такъ эти пѣсни, которыя я издаю, есть уже мертвыя для Малороссіянъ. Это только маленькіе остатки той чудной пѣсенности ихъ дѣдовъ, которая была удивленіемъ и самыхъ жителей всего Украинскаго; не стану разсуждать объ ихъ достоинствѣ и голосахъ, — скажу только, что я почитаю себя исполнившимъ долгъ свой предъ своею родиною, исторгнувъ изъ забвенія эту Южно-Русскую народную поэзію у старцевъ, занесшихъ одну ногу во гробъ. Я посвящаю ее моимъ предкамъ Гетманамъ, она имъ принадлежитъ; быть можетъ хотя одинъ листочекъ изъ сего собранія упадетъ на заглохнувшую ихъ могилу или долетитъ на высокій курганъ козацкій.

Издатель.

С. П. Б. 1836 года. 4 Мая.

(*) Замѣтимъ еще, что встарину въ Малороссіи, каждый поселянинъ былъ музыкантъ, въ каждой избѣ можно было найти скрипку или бандуру; теперь едва ли въ большомъ селеніи сыщется самъ скрипачъ; — пошлѣйшее пѣніе не придается къ музыкѣ.

БАЙДА.

═

Благодаря почтеннымъ нашимъ собирателямъ народныхъ Малороссійскихъ эпопей, мы имѣемъ теперь почти обо всѣхъ герояхъ южнаго нашего отечества прекрасныя думы; между тѣмъ какъ объ одномъ знаменитомъ лицѣ – Дмитріѣ Вишневецкомъ народная муза ничего, повидимому, не передала. Сей потомокъ Святаго Владиміра судьбою былъ вовлеченъ въ общую участь злосчастныхъ Руссиновъ, – въ единственное пристанище ихъ свободы, – на Хортицкій островъ. Тамъ онъ является главою Запорожцевъ. Счастливо отразивъ отъ него нападеніе Крымскаго Хана, но, въ послѣдствіи, будучи оттуда вытѣсненъ Волохами и Турками, онъ овладѣлъ Черкасами и Каневомъ, и предложилъ Іоанну Грозному покорить скипетру его всю южную Русь; къ несчастію Іоаннъ, болѣе обращавшій вниманіе на Ливонію, отвергнулъ это предложеніе. Однако Вишневецкій сослужилъ службу Царю Бѣлому, – истреблялъ Крымцевъ при Азовскомъ морѣ, и основалъ на Дону городъ Черкасскъ; съ сего времени Донскіе козаки, усиленные поселившимися между ними Запорожцами, являются въ Исторіи какъ общество политическое. Выпишемъ изъ исторіи Малой Россіи Г. Бантыша-Каменскаго послѣднее дѣяніе Вишневецкаго; «..... честолюбіе по-

«влекло его въ Молдавію и ускорило преждевременную «смерть. Призванный Боярами для владычествованія «надъ ними, вмѣсто достойнаго Господаря Стефана IX, «Вишневецкій стремился за словою въ сопровожденіи «малой дружины, и былъ жертвою обмана: не почести, «но оковы ожидали его. Стефанъ послалъ Димитрія въ «Константинополь, гдѣ Султанъ лишилъ его жизни му-«чительскимъ образомъ: онъ былъ сброшенъ съ высо-«каго жилья на разставленные внизу колья, *зацѣпился* «*ребромъ и висѣлъ трое сутокъ*, испуская жалостные «вопли. Во все сіе время страдалецъ славилъ Бога, про-«клиная Магомета. Одинъ Турокъ не могъ удержать своего изступленія, и *произилъ его стрѣлою.*» Част. 1. стр. 130. Энгель стр. 38; Пѣсецкій т. IV, стр. 545.

Неужели Малороссіяне не воспѣваютъ въ своихъ думахъ этого славнаго *рыцаря?* Напротивъ можно утвердительно сказать, что думы объ немъ и по сію пору существуютъ; вся трудность въ узнаніи истины заключается въ томъ, что вообще наши предки всѣхъ своихъ предводителей обыкновенно переименовывали по своему, давая имъ имена, свойственныя ихъ характеру или качествамъ. Такъ Гетьманъ Подкова — извѣстенъ въ думахъ подъ названіемъ *Серпяги;* Шахъ — называется *Жахъ* (ужасъ); Полковникъ Адамовичъ — *Костырь*, Лѣсницкій — *Волочай* и пр. Послѣ этого неудивительно будетъ, если Вишневецкій изъ Польской фамиліи, переименованъ ими въ Байду (безпечный; — *бай*, повелит. наклон. глагола: баюкать, убаюкивать, *дуже* весьма, отсюда нарѣч. байдуже — нѣтъ надобности, ничего).

Въ сей думѣ говорится, что Байда застрѣлилъ Султана Турецкаго; хотя это и вымыселъ, однако доволь-

но вѣрно сообразуется съ историческими свидѣтельствами: Вишневецкій казненъ мучительски въ Константинополѣ въ 1564 году; Солиманъ II, тогдашній Турецкій Императоръ, умеръ чрезъ два года послѣ этого происшествія, во время Венгерскаго похода; вѣроятно не ранѣе двухъ лѣтъ пришла въ южную Россію вѣсть о смерти того и другаго, и это могло подать поводъ сослуживцамъ Байды сочинить въ честь его богатырскую думу, въ которой и Солиману порядкомъ досталось. Дума сія имѣетъ прекрасный мужественный голосъ и была встарину въ числѣ войсковыхъ, или военныхъ пѣсней.

1.

Ой у Кыевѣ, да на рыночку,
Тамъ пьєть Байда̀ да горѣлочку.
Ой пье-же во̂нъ да поднвае:
Да на Турецького-Царя похваляе.

Ой кликнувъ Царь на свои гайдуки:
«Да во̂зьмите Байду въ добрыи руки,
Да возьмите Байду да съвяжите,
Да на гакъ ребромъ почепите!»

Да высить Байда, не день, не два,
Не двѣ ночевьки, не двѣ годиночки:
«Ой ты джуро молоденькій (*)!
Шо на тобѣ жупанъ голубенькій:
«Подай минѣ лучокъ и стрѣлочъ пучокъ,
Да забачивъ я трехъ голубочокъ.»

(*) Говоритъ Байда Турецкому служителю.

Якъ ударить Царя
Да посередъ чела,
А Царицю у потылицю,
А Царевнôчку у головочку:

«Отъ-се тобѣ Царю,
Да за твою кару!
Що ты не умѣвъ Байды якъ покарати,
Було-бъ тобѣ, Царю, — Байду покарати,
Було-бъ тобѣ Байдѣ съ плечь голову сътяти:
Да на Козацькую славу отдати!.... (*)

Прим. Гакъ, крюкъ, (Нѣм. Haken.); година — часъ; *оттяти* (Сл.) отрубить.

(*) При чтеніи Малор. пѣсенъ должно выговаривать букву ѣ за ы; г, какъ въ Славяно-Церковномъ нашемъ языкѣ за *г* (Лат. h); с, въ началѣ согласной буквы, большею частію какъ зъ, если надъ гласною буквою поставленъ знакъ ^ то ее должно произносить какъ и; предлогъ отъ, какъ одъ; впрочемъ есть на это изключенія.

САМОЙЛО КИШКА.

Вотъ новый герой позабытый (несуществовавшею) исторіею Запорожья. Наши лѣтописи ничего не говорятъ объ немъ, какъ обыкновенно о многихъ Кошевыхъ Запорожскихъ. Быть можетъ, подъ именемъ Кишки скрывается какой нибудь извѣстный вождь Запорожцевъ. Но это одна догадка. До рѣшенія этой задачи, мы должны радоваться, что можемъ по крайней мѣрѣ опредѣлить время сему происшествію, – благодаря исторіи Руссовъ Кониского. Въ этой думѣ упоминается о Гетьманѣ Скалозубѣ (Семенѣ), стороживишемъ на островѣ Тендрѣ, у Днѣпровскаго Лимана. Вотъ что пишетъ Кониссkій объ немъ:

«Демьянъ Скалозубъ, избранный Гетманомъ изъ Пол«ковниковъ въ 1588 году, донесъ Королю о непріязнен«ныхъ дѣйствіяхъ Крымцевъ, которые захватили въ «плѣнъ около мѣстечекъ Опошни и Котельвы нѣсколь«ко сотъ человѣкъ; получивъ отъ Короля позволеніе, «не открывая явной войны, дѣйствовать искуснымъ «образомъ противъ невѣрныхъ, велѣлъ Кошевому За«порожскому, Нечаю, умножить лодки, прибылъ самъ «въ Сѣчь съ коннымъ войскомъ, смѣнилъ тутъ три пол«ка Козацкіе, отправилъ ихъ въ море съ значительнымъ «числомъ Запорожцевъ. Войско сіе ввѣрено Гетманомъ

«Писарю Войсковому, Ивану Богуславцу, и Полковни-
«ку Карпу Перебиносу: они должны были, пройдя Ли-
«маномъ къ приморскимъ Крымскимъ городамъ, запе-
«реть ихъ гаваны, осматривать выходящія изъ оныхъ
«суда, отбирать Россійскихъ плѣнниковъ. Въ слѣдъ за
«симъ Скалозубъ, приказавъ Генеральному Обозному
«Якову Сурмилу тревожить съ остальнымъ Козацкимъ
«войскомъ Крымцевъ на сухомъ пути, чтобы они от-
«правляли плѣнниковъ въ приморскіе города, пустил-
«ся самъ въ море въ заливъ Керчинскій, но при входѣ
«въ оный окруженъ былъ нѣсколькими военными Ту-
«рецкими судами, вступилъ съ ними въ бой, взять въ
«плѣнъ, отвезенъ въ Царьградъ, и тамъ уморенъ голо-
«домъ. Писарь Богуславецъ, захваченный Турками при
«Козловѣ, выручень послѣ Запорожцами помощію Се-
«миры, жены Паши Турецкаго, которая выѣхала вмѣ-
«стѣ съ нимъ въ Малороссію. Прочія войска Козацкія
«съ Обознымъ Сурмиломъ и съ Полковникомъ Перебн-
«носомъ возвратились также въ свою землю.» Ист. М.
Р. т. 1. стр. 152 и 153.

И такъ Скалозубъ, до взятія своего въ плѣнъ, или до 1589 года, могъ въ числѣ Русскихъ пленниковъ, бывшихъ у Мусульманъ, споспѣшествовать и освобожденію Кошеваго Кишки, томившагося въ рабствѣ съ 1534 года. Впрочемъ Скалозубъ, какъ увидимъ изъ думы, весьма небольшое оказалъ ему пособіе. Здѣсь встрѣчается небольшое недоразумѣніе у Конисскаго: Скалозубъ названъ Демьяномъ, а въ нашей эпопеѣ Семеномъ. Впрочемъ это могла быть ошибка, съ которой нибудь стороны. Рѣшительно могу сказать, что сія дума по количеству стиховъ своихъ, подробностямъ и истинно Го-

мерическимъ описаніямъ, превосходитъ въ своемъ родѣ всѣ донынѣ намъ извѣстныя въ южной Россіи думы. Она списана въ Полтавской губерніи точь въ точь со словъ бандуриста-слѣпца.

2.

Ой изъ города изъ Трапезондта выступала галера,
Тремя цвѣтами процвѣтана, малёвана.
Ой первымъ цвѣтомъ процвѣтана —
Злато-синими киндяками побивана;
А другимъ цвѣтомъ процвѣтана —
Гарматами арештована;
Третьимъ цвѣтомъ процвѣтана —
Турецкою бѣлою габою покровена.

То въ той галерѣ Алканъ Паша,
Трапезондское Княжя гуляе;
Маеть собѣ избранного люду:
Семсотъ Турковъ, Яньічаръ штыреста,
Да бѣдного невольника почварта-ста (*),
Безъ старшины войсковои;
Первый старшій межъ ними пробуваеть:
Кишка Самойло, Гетьманъ Запорожьскій,
Другій, Марко Рудый, Судья войсковый,
Третій, Менсій Грачъ, войсковый Трембачъ,
Четвертый, Лахъ Бутурлакъ, клюшникъ галерскій,
Сотникъ Переяславскій,
Недовѣрокъ Христіяньскій!
Що бувъ тридцать лѣтъ у неволѣ,
Двадцать штыре якъ ставъ по волѣ,
Потурчився, побусурманився,

(*) 350 человѣкъ.

Для Панства великого,
Для лакомства несчастного!......
Въ то̂й галерѣ отъ пристани далеко отпускали,
Чорнымъ моремъ далеко гуляли;
Противъ Кеѳи города,
Тамъ собѣ великій да довгій опочинокъ мали.
То представится Алканъ Пашатѣ,
Трапезондскому княжатѣ, молодому папятѣ,
Сонъ дивенъ, барзо дивенъ на причудъ......
То Алканъ Паша, Трапезондское Княжя,
На Турко̂въ, Янычаръ, на бѣдныхъ невольнико̂въ покликае:
«Турки, каже, Турки, Янычаре,
И вы бѣдныи невольники!
Который бы могъ Турчинъ, Янычаръ, сей сонъ отгадати,
Могъ бы ему три грады Турецкіе̂ даровати,
А который бы могъ бѣдный невольникъ отгадати,
Могъ бы ему листы — вызволены писати,
Щобъ не могъ нигде никто зачепати!»
Сее Турки зачували, ничого не сказали;
Бѣдны невольники хочь добре знали, собѣ промовчали.
То̂лько обозветься межъ Турко̂въ
Ляхъ Бутурлакъ, ключникъ галерскій,
Сотникъ Переяславскій,
Недовѣрокъ Христіянській:
«Якъ-же, каже, Алкане Пашо, тво̂й сонъ отгадати,
Что ты не можешъ намъ повѣдати?»
«Такій минѣ, небожята, сонъ приснився,
Бо-дай николи не явився:
Видится моя галера цвѣткована, малёвана,
Стала вся обо̂драна, на пожарѣ спускана;
Видится мои Турки, Янычары,
Стали вси въ пень порубаны;

А видится мои бѣдны невольники,
Которыи були у неволѣ,
То вси стали по волѣ;
Видится мене Гетьманъ Кишка,
На три части розтявъ,
У Чорное море пометавъ......»
То скоро тое Ляхъ Бутурлакъ зачувавъ,
Къ нему словами промовлявъ:
«Алканъ Пашо́, Трапезондскій Княжату,
Молодый Паняту, —
Сей тобѣ сонъ не буде, ни мало зачепати,
Скажи минѣ получче бѣдного невольника доглядати,
Съ ряду до ряду сажати,
По два, по три старыи кайданы и новыи исправляти,
На руки, на ноги надѣвати, съ ряду до ряду сажати,
Червоною таволгою, по два дубця брати,
По шіяхъ затынати, кровь Христіянськую на землю проливати.»
Скоро то сее зачували:
Отъ пристани галеру далеко отпускали,
Тогдѣ бѣдныхъ невольникôвъ до опачинъ руками пріймали,
Щироглыбокои, морськои воды доставали;
Скоро то сее зачували,
Отъ пристани галеру далеко отпускали:
До города Козлова,
До дѣвки Санджаковны, на залёты поспѣшали.
То до города Козлова пробували,
Дѣвка Санджаковна, на встрѣчу выхожае,
Алкана Пашу въ городъ Козлôвъ,
Со всѣмъ вôйскомъ затягала,
Алкана за бѣлу руку брала,
У свѣтлици, камяници вызывала,
За бѣлу скамью сажала,

Дорогими напитками наповала.
А войсько середъ рынку сажала.
То Алканъ Паша, Трапезондское Княжя,
Не барзо дорогіи напитки вживае,
Якъ до галеры двухъ Турчиновъ на подслухи посылае:
Щобъ не могляше Бутурлакъ, Кишку Самойла отмыкати,
У поручь себе сажати.
То скоро ся тыи два Турчина
До галеры пробували.
То Кишко Самойло, Гетьманъ Запорожскій,
Словами промовляе:
«Ай Ляше Бутурлаче, брате старесенькій!
Колись и ты бувъ въ такій неволѣ,
Якъ мы теперя,
Добро намъ вчини,
Хочъ насъ старшину отомкны;
Хай бы и мы у городѣ побували,
Паньске весѣлье добре знали»,
Каже, Ляхъ Бутурлакъ:
«Ой Кишко Самойлу, Гетьмане Запорожскій,
Батьку Козацькій! Добро ты вчини:
Вѣру Христьянську, подъ нозѣ подтопчи,
Хрестъ на собѣ поломни.
Аще будешъ вѣру Христіянску подъ нозѣ топтати,
Будешъ у нашего пана молодого,
За родного брата пробувати.»
То скоро Кишка Самойло зачувавъ:
«Ой Ляше Бутурлаче, недовѣрку Христіянській!
Бодайже ты того не дождавъ,
Щобъ я вѣру Христіянськую подъ нозѣ топтавъ!
Хочъ буду до смерти бѣду да неволю пріймати,
А буду въ землѣ Козацькій, голову Христіяпську покладати;
Ваша вѣра погана,
Земля проклята.

Скоро Ляхъ Бутурлакъ тое зачувае:
Кишку Самôйла у щоку затынае.
«Ой, каже, Кишко Самôйлу, Гетьмане Запорожскій,
Будешъ ты мене въ вѣрѣ Христіяньскои укоряти,
Буду тебе паче всѣхъ невольникôвъ доглядати,
Старыи и новыи кайданы направляти, —
Ланцюгами за поперекъ втрое буду брати.»
То ты два Турчина, тое зачували,
До Алкана Пашы пробували:
«Алканъ Пашо́, Трапезондское Княжя! безпечно гуляй:
Доброго и вѣрного ключника маешъ,
Кишку Самôйла въ щоку затынае
Въ Турецьку вѣру ввертае.»
То Алканъ Паша, Трапезондское Княжя, великую радость мало:
Пополамъ дорогіи напитки раздѣляло,
Половину на галеру отсылало,
Половину съ дѣвкою Санджаковною уживало.
Ставъ Алканъ Паша дорогіи напитки пити, пôдпивати,
Стали умыслы, Козацьку голову, ключника розбивати:
«Господи есть у мене, що испити и исходити,
Тôлько ни съ кѣмъ объ вѣрѣ Христіяньскôи розговорити.»
До Кишки Самôйла пробувае:
По ручь себе сажае,
Дорогого напитка метае,
По два, по три кубка въ руки наливае.
То Самôйло Кишка, по два, по три кубка въ руки бравъ,
То у рукава, то у пазуху, сквозъ третю хусту до долу пускавъ.
Ляхъ Бутурлакъ по единому выпивавъ:
То такъ напився,
Що съ нôгъ съвалився.
То Кишка Самôйло да угадавъ:
Ляха Бутурлака до ложку вмѣсто дитяти спати клавъ.

Самъ восемдесять чотыри ключи съпôдъ голôвъ выймавъ
На пяти человѣкъ по ключу дававъ:
«Козаки Панове, добре майте,
Одинъ другого отмыкайте,
Кайданы изъ ногъ, изъ рукъ некидайте,
Полуночнои годины ожидайте.»
Тогдâ козаки, одинъ другого отмыкали,
Кайданы изъ рукъ и изъ ногъ некидали,
Полуночнои годины ожидали,
А Кишко Самôйло чогось догадавъ,
За бѣдного невольника ланцюгами втрое себе принявъ:
Полуночнои годины ожидавъ.
Стала полуночная година наступати,
Ставъ Алканъ Паша съ вôйскомъ до галеры пробувати;
То до галеры пробувавъ, словами промовлявъ:
«Вы Турки, Янычаре, по маленьку ячите,
Моего вѣрного ключника не сбудите:
Самы же добре, по межъ рядами прохожайте,
Всякого чёловѣка осмотряйте, —
Бо теперя вôнъ пôдгулявъ,
Щобы кому пыльги недавъ.»
То Турки, Янычаре свѣчи у руки брали,
По межъ рядôвъ прохожали,
Всякого чоловѣка осмотряли;
Богъ помогъ за замокъ руками не пріймали:
«Алканъ Пашó, безпечно почивай,
Доброго и вѣрного ключника маешъ,
Вôнъ бѣдного невольника съ ряду, до ряду посажавъ,
По три, по два старыи кайданы и новыи посправлявъ;
А Кишку Самôйла, ланцюгами у трое принявъ.»
Тогдѣ Турки, Янычаре у галеру вхожали
Безпечно спати полягали,
А которыи хмельны бували, на сонъ сънемогали —
Коло пристани Козловськои спати полягали......

Тогдѣ Кишка Самôйло полуночнои годины дождавъ:
Самъ межъ Козакôвъ уставъ
Кайданы изъ рукъ и изъ ногъ у Чорное море поронявъ;
У галеру вхожае, Козакôвъ побужавъ, —
Сабли булатныи на выбôръ выбирае,
До Козакôвъ промовляе:
«Вы Панове молодци! кайданами не стучите,
Ясины не вчините,
Ни которого Турчина въ галерѣ не сбудите......»
То Козаки добре зачували:
Сами съ себе кайданы скидали,
У Чорное море кидали,
Ни одного Турчина не сбудили.
Тогдѣ Кишка Самôйло до Козакôвъ промовляе:
«Вы Козаки молодци! добре, братiе, майте,
Отъ города Козлова забѣгайте:
Турокъ, Яныч арь въ пень рубайте,
Которыхъ живцемъ у Чорное море бросайте......»
Тогдâ Козаки отъ города Козлова забѣли:
Турокъ, Янычарь въ пень рубали,
Которыхъ живыхъ въ Чорное море бросали.
А Кишка Самôйло Алкана Пашу изъ лôжка взявъ,
На три части розтявъ, у Чорное море побросавъ.
До Козакôвъ промовлявъ:
«Панове молодци! добре дбайте,
Всѣхъ у Чорное море бросайте,
Тôлько Ляха Бутурлака не рубайте:
Между вôйскомъ для порядку,
За ярызу войскового — зоставляйте!»
Тогдѣ Козаки добре мали:
Всѣхъ Туркôвъ у Чорное море пометали;
Тôлько Ляха Бутурлака не сърубали,
Между вôйскомъ для порядку,

За ярызу вôйскового зоставляли.
Тогдâ галеру отъ пристани отпускали,
Сами Чорнымъ моремъ далеко гуляли....

Да ще у недѣлю барзо рано, по раненьку,
Не сива зузуля заковала:
Якъ дѣвка Санджаковна коло пристани похожала,
Да бѣлы руки ломала, словами промовляла:
«Алканъ Пашó, Трапезондское Княжату,
На що ты на мене, такое великое пересердіе маешъ,
Що отъ мене сегодня барзо рано выѣзжаешъ;
Когдâ бы була отъ отця и матуси,
Сорома и наруги приняла —
Съ тобою хочь едину ночь переночевала....»
Скоро ся тое промовляли: галеру отъ пристани отпу-
скали,

Сами Чорнымъ моремъ далеко гуляли.
А ще у Недѣлоньку у полуденную годину,
Ляхъ Бутурлакъ отъ сна пробуждае:
По галерѣ поглядае, що ни единого Турчина у галерѣ
не мае.
Тогдѣ Ляха Бутурлакъ изъ лôжка вставае
До Кишки Самôйла прибувае, у ноги впадае:
«Ой Кишко Самôйлу, Гетьмане Запорожській, батьку
Козацькій!
Не будь же ты на мене, [illegible]
Якъ я бувъ на останцѣ вѣка моего на тебе,
Богъ тобѣ да помôгъ непріятеля побѣдити;
Да не умѣтъимешъ у землю Христіянськую входити;
Добро ты учини: половину Козакôвъ у оковы до опа-
чинъ посади;
А половину у Турецькое дорогое платье наряди;
Бо ще будемо отъ города Козлова
До города Цареграда гуляти,

Будуть изъ города Цареграда двѣнадцать галеръ вы-
бѣгати,
Будуть Алкана Пашу съ дѣвкою Санджаковною
По залётахъ поздравляти:
То якъ будешъ отвѣтъ отдавати?...»
Якъ Ляхъ Бутурлакъ научивъ,
Такъ Кишка Самôйло, Гетьманъ Запорожськiй, учинивъ:
Половину Козакôвъ до опачинъ у оковы посадивъ,
А половину у Турецкое дорогое платье нарядивъ.
Стали отъ города Козлова, до города Цареграда гу-
ляти,
Стали изъ Цареграда двѣнадцать галеръ выбѣгати
И галеру изъ гарматы торкати, —
Стали Алкана Пашу съ дѣвкою Санджаковною
По залётахъ поздравляти.
То Ляхъ Бутурлакъ чегось догадавъ:
Самъ на чердакъ выступавъ,
Турецкимъ бѣленькимъ завиваломъ махавъ:
Разъ то моввитъ по Грецьки,
У друге по Турецьки;
Каже: «вы Турки, Янычаре, по маленьку, братiя, ячите
Отъ галеры отверните:
Бо теперя вôнъ подгулявъ, на упокоѣ почивае,
На похмêлье сънемогае,
До васъ не встане, головы не съведе.
Казавъ: якъ буду назадъ гуляти,
То не буду вашей милости и повѣкъ забувати.»
Тогдâ Турки, Янычаре, отъ галеры отвертали,
До города Цареграда убѣгали:
Изъ двѣнадцати штукъ гарматъ гремали, —
Яссу воздавали;
Тогдѣ козаки собѣ добре дбали:
Семь штукъ арматъ собѣ арештовали, —
Яссу воздавали,

На Лиманъ рѣку испадали,
Къ Днѣпру славуть и низенько уклоняли:
«Хвалимъ тя Господи и благодаримъ!
Були пятьдесять штыре годы у неволѣ
А теперя хочь не дасть намъ Богъ на часъ поволѣ!»

А у Тендровѣ островѣ Семенъ Скалозубъ
Съ вôйскомъ на заставѣ стоявъ,
Да на туую галеру поглядавъ,
До Козакôвъ словами промовлявъ:
Козаки, Панове молодци! Що сія галера чи блудить,
Чи свѣтомъ нудить,
Чи много люду Царського мае,
Чи за великою дóбичью гоняе?
То вы добре майте:
По двѣ штукъ гарматъ набирайте,
Тую галеру изъ Грознои гарматы привѣтайте,—
Гостинця ій дайте!
Если Турки, Янычаре, то у пень рубайте,
Если бѣдныи невольники, то помочи дайте.»
Тогдâ Козаки промовляли:
«Семене Скалозубе, Гетьмане Запорожській,
Батьку Козацькій!
Де-сь ты самъ боисься
И насъ Козакôвъ страшишься:
Есть сія галера, не блудить,
Ни свѣтомъ нудить,
Ни много люду Царського мае,
Ни за великою дóбычью гоняе:
Се може́ть è давній, бѣдный невольникъ,
Изъ неволи утекае....»
«Вы вѣры не дôймате,
Хочь по двѣ гарматы набирайте:
Тую галеру изъ Грознои гарматы привѣтайте,

Гостинця ій дайте!
Якъ Турки, Янычаре, то у пень рубайте,
Если бѣдный невольникъ, то помочи дайте.»
Тогда̂ козаки якъ дѣти не гораздъ починали,
По двѣ штуки гарматъ набирали:
Тую галеру изъ Грознои гарматы привѣтали,
Три доски у суднѣ выбивали,
Воды Днѣпровскои напускали....
Тогда̂ Кишка Само̂йло, Гетьма̀нъ Запорожьскій,
Чегось оттадавъ, самъ на чердакъ выступавъ;
Червоныи, хрещатыи, давніи Корогвы изъ кишени вынимавъ
Роспуставъ....
До воды похиливъ....
Самъ низенько уклонивъ (*):
«Козаки, Панове молодци! сія галера не блудить,

(*) Здѣсь видно все величіе души и истинно рыцарскій духъ древнихъ Малороссіянъ: попавшись въ плѣнъ Туркамъ, предводитель ихъ успѣлъ однако спасти отъ поруганія Корогвы или знамена, вѣроятно сорвавъ ихъ съ древка и, какъ видно, Гетманъ Кишка носилъ тайно отъ своихъ поработителей подъ платьемъ — сіи священные залоги славы и свободы; и эти самые хоругви послѣ пятидесяти четырехъ лѣтняго невольничества, онъ имѣлъ удовольствіе — снова «распустить» въ виду своихъ соотечественниковъ! Какой великой сюжетъ для живописца: сторожевые Козаки, на островѣ Тендрѣ, залпомъ изъ пушекъ по незнанію потопили галеру, на которой находились ихъ несчастные собратья. Она погружается уже ко дну.... Столѣтній старецъ Кишка въ дрожащихъ рукахъ держитъ Русскіе «Корогви» они уже достаютъ воды Днѣпровской, старецъ самъ наклонился и готовъ, кажется, погрузиться въ пучину.... Но онъ еще привѣтствуетъ своихъ соотечественниковъ и какъ бы взорами говоритъ имъ: «видите ли, ваши знамена невредимо уцѣлѣли отъ святотатныхъ рукъ Мусульманъ... честь спасена...» Что думалъ злополучный Кишка, когда переплывъ море, увидѣлъ конецъ своей жизни на берегу Днѣпра?...

Малороссіяне во время борьбы за свободу съ Поляками имѣли красныя хоругви съ изображеніемъ на нихъ креста. (См. Народныя Малор. думы, издан. Г. Срезневскимъ въ Запорожской старинѣ).

Ни свѣтомъ нудить,
Ни много люду Царського мае,
Ни за великою дóбычью гонле:
Се есть давній, бѣдный невольникъ —
Кишка Самôйло изъ неволи утекае;
Були пятьдесять чотыре годы у неволѣ.
Теперь чи не дасть Богъ, хоть на часъ поволѣ ...»
Тогдâ Козаки у каюки скакали,
Тую галеру за малёваны облавки брали,
Да на пристань стягали,
Отъ дуба до дуба,
На Семена Скалозуба, паёвали;
Тую галеру на пристань стягали.
Тогдѣ: златосиніи киндяки — на Козаки,
Златоглавы — на Отаманы,
Турецькую бѣлую габу — на Козаки на бѣляки.
А галеру на пожаръ спускали.
А сребро, злато на три части паювали:
Первую часть брали на церкви накладали:
На святого Межигорского Спаса,
На Терехтемировській монастырь,
На святую Сѣчовую Покровъ-давали:
Которы давнимъ Козацькимъ скарбомъ будовали,
Щобъ за ихъ вставаючи и лягаючи,
Милосердого Бога благали;
А другую часть по межъ собою паювали;
А третью часть брали:
Очертами сѣдали,
Пили да гуляли,
Изъ семипядныхъ пищалей гремали,
Кишку Самôйла по волѣ поздравляли:
«Здоровъ, кажуть, здоровъ Кишко Самôйлу,
Гетьмане Запорожській! не загинувъ еси у неволѣ,
Не загинеши съ нами Козаками по волѣ!...»

Правда, Панове, полегла Кишки Самôйла голова,
Въ Кіевѣ-Каневѣ монастырѣ...
Слава не умре, не поляже:
Буде слава славна.—
По межъ Козаками,
По межъ друзьями,
По межъ Рыцарями,
По межъ добрыми молодцями.
Утверди Боже: люду Царьского,
Народу Христіянського,
Войска Запорожського, Донського,
Съ сіею Черню Днѣпровою,
Низовою:
На многія лѣта,
До конца вѣка.

МОРОЗЕНКО.

Это также неизвѣстное лице въ исторіи Малороссіи, изъ думы о Гетьманѣ Свирговскомъ, помѣщенной въ Запорожской старинѣ и собраніи Укр. пѣсень Г. Максимовича, видно, что онъ былъ сподвижникъ сего Гетьмана. Слѣдовательно жилъ около 1574 года. Здѣсь описывается мученическая его кончина у Татаръ.

3.

Ой ты Морозе, Морозенку, ой ты славный козаче,
За тобою Морозенку, вся Украина плаче;
Да не такъ тая Украина, ой якъ гордое во̂йско.
Заплакала Морозиха у недѣлю идучи на мѣсто:
Не плачъ, не плачъ, Морозихо, о сыру землю не бійся,
Ходимо съ ними козаками, да меду, вина на пійся:
«Чёмусь минѣ милое братье, да медъ, вино не пьется,
За моею границею Швединъ съ Ляхомъ бьется......
«Нехай бьется, рубается, во̂нъ у тому кохается!»
Ой изъ-за горы, за крутои, гордо во̂йско выступае,
Попереду Морозенко, сивымъ конемъ грае.
Ой прихиливъ головоньку, къ сивому коню до гривоньки,
Ой розпустивъ чорны кудры, къ сивому коню до копыта.
«Иди, иди, сивый коню, тихою тупою,
Съострѣнимся съ ордою, за бистрою рѣкою.»

По тымъ боцѣ Запорожьци покопали шанци:
Ой пôймали Морозенка у недѣлю у ранцѣ,
Посадили Морозенка на дубовôй лавцѣ,
Ой спяли съ Морозенка кармѣзинъ, сапьянци,
Посадили Морозенка да на бѣломъ рядецѣ,
Да выйняли изъ Морозенка кровавое сердце.
Выкопали Морозенку глубокую долину, (*)
Высыпали Морозенку высоку могилу:
«Дивись, дивись, Морозенку! да на свою Украину!»
«Чему-сь минѣ, миле братье, да Украина не мила......
Тôлько милый, минѣ, братье — мôй кôнь вороный.
Осѣдлайте коня мого, повяжите козацькую збрую:
Нехай бѣжить въ Украину до моего дому.»

Прим. *Мѣсто* — городокъ, мѣстечко, торговая площадь; *дивитися* — смотрѣть; *козацкая збруя* — вообще оружіе.

(*) Козаки его товарищи.

СЕЗНА.

Это вѣроятно одинъ изъ сановниковъ войска Гетьмана Хмельницкаго. Дума сія весьма хорошо показываетъ нравы тогдашняго времени. Хмельницкій по своему обыкновенію выступая въ походъ, скрываетъ отъ подчиненныхъ, куда должны обратиться его побѣдоносные перуны. Войско настаиваетъ у Гетмана, что оно должно «робить» не получивъ удовлетворительнаго отвѣта, напослѣдокъ объявляетъ, что «знаетъ артикулы» или воинскіе уставы – и вскорѣ исторгаетъ у своего предводителя настоящее намѣреніе, цѣль похода: «бити Орду.» Вѣроятно этотъ походъ былъ весьма незначительный или простой «герець.» Исторія объ немъ не упоминаетъ.

4.

«Хмельницкій, Гетьмане, батьку Отомане,
А що подумаешъ объ насъ ты батьку?......»
«Ой хлопци, хлопци Гетьманци нашы,
Да що будемъ робити,
Що мы починимо?..»
«Да Отомане батьку, мы знаемъ артикулы,
Да порадь же насъ батьку
Що будемъ робити......

Чи будемо въ станѣ кашу варити?......»
«Да косить хлопци очеретъ,
Варите вечерять.......» (*)
«Отомане батьку, що будемъ робити?......»
«Орду будемъ бити;
Сѣдайте хлопци на кони, берите узды добры,
Бѣжите по лугу, топчите вы травицю,
Травиця низенька, полягла низенько:
Топчите вы Турка, низенько, близенько,
Топчите вы хлопци?......
. . . .
Хвалится вы, хлопци, хто якъ охвалився?»
«Нихто пежурився, Отомане батьку!
Только одинъ хлопець плаче
На коня не ссяде.......»
«Хлопци бо молоды: посадить на коня,
Приставьте до мене,
Нехай подивлюся
Въ очи, распрощуся!......»
«Ой Отомане батьку, Сезна не говóрить
Благовѣрную творять......»
«Козаки бо любезны! прошу милость вашу:
Сховайте гарненько —
— На степѣ, при дорозѣ,
Прибитому шляху, на широкiй дорозѣ......

(*) Это вторичный отзывъ Хмельницкаго, изъяснявшагося весьма темно.

ПЕРЕБИНОСЪ.

Это Максимъ Кривоносъ, одинъ изъ первыхъ сподвижниковъ Хмельницкаго, въ началѣ возстанія южной Россіи противъ Польши, онъ прославился взятіемъ Полоннаго и Бара, но будучи разбитый подъ Пилявою, былъ взятъ въ плѣнъ и казненъ. Однако въ продолженіе одного года (1648) своихъ дѣйствій, онъ перерубилъ болѣе пятидесяти тысячъ Поляковъ и Жидовъ. (Ист. М. Р. часть I. стр. 249.)

5.

Ой недали Перебиносу
Да вечеряти сѣсти,
Ой пришли Перебиносу — не мудрыи вѣсти:
«Стережися, Перебиносу,
Тыеи чорнои гати,
Ой иде Ляховъ сорокъ тысячъ
Хотять тебе взяти.»
Ой крикне панъ Перебиносъ
На хлопця малого:
«Обѣгай хлопче, обѣгай малый,
Отъ хаты до хаты,
Ой дай же ты малый,
Всѣмъ козаченькамъ знати.»
Ой крикнувъ панъ Перебиносъ

На хлопця малого:
«Осѣдлай хлопче, осѣдлай малый,
Коня вороного,
А собѣ хлопче, а собѣ малый,
Хочь полового!»
Ой не дали да Перебиносу
На кониченька спасти;
Якъ узявъ *Ляхôвъ*, якъ узявъ Панôвъ,
Якъ снопикôвъ класти;
Ой не дали да Перебиносу
На кониченька ссѣсти,
Якъ узявъ *Ляхôвъ*, якъ узясъ Панôвъ,
На капусту сѣкти;
Ой гляне панъ Перебиносъ
На лѣвую руку:
Да не выскочитъ его конь вороный
Изъ *Лятського* трупу,
Ой гляне панъ Перебиносъ
На правее плече:
Ажъ изъ *Ляхôвъ*, ажъ изъ Панôвъ,
Кровавая рѣчка тече.

НЕЧАЙ.

═

Полковникъ Брацлавскаго полка, бывшаго въ нынѣшней Подольской губерніи, зять Богдана Хмельницкаго, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ героевъ Малороссіи; онъ убитъ въ сраженіи подъ Краснымъ. Прилагаемая здѣсь объ немъ дума къ сожалѣнію не полная.

6.

Ой Нечаенку, да козаченьку,
Не пій воды гладко;
Ой Нечаенку, да козаченьку,
Да роби ты порядкомъ.
Ой Нечаенко да козаченько,
На коника сѣда:
Да прощается съ козаками,
Якъ съ рôдными братами:
«Да прощайте мене, милы братья,
Хвалить Бога за ласки,
Що заслуживъ у Государя,
Нечестивый ласки!
. . . .
Да думае, гадае,
Що на свѣтѣ робити:
«Ой якъ минѣ Украину на свѣтѣ держати?......»

«Да чѣмъ бо будемъ — Государю милостивому,
Чѣмъ бо похвалитися?»
«Похвалимся, добры хлопци, — своимъ войскомъ Козацкимъ,
Украина наша......»
. . . .

ТЕТЕРЯ.

Павелъ Тетеря, былъ Полковникъ Переяславскій, въ послѣдствіи Гетьманъ лѣвой стороны Днѣпра. Онъ держалъ сторону Короля Польскаго. Народъ, какъ видно изъ приложеннаго отрывка думы, не любилъ его. Къ сожалѣнію, эта дума, бывшая изъ словъ бандуриста весьма большимъ стихотвореніемъ, имъ не изучена. Быть можетъ, со временемъ она отыщется; вотъ ее только начало:

7.

За Хмельницкаго Юряся, пуста стала Украина съвелася,
А за Павла Тетеренка:
Который чоловѣкъ, утратився давно, не поправится и тепе-
реньки......
. . . .

Прим. *устращиться* — погубить себя; спятиться съ ума.

ИВАСЪ КОНОВЧЕНКО.

Сія дума извѣстна уже изъ собраній: Князя Цертелева и Г. Максимовича, но въ обоихъ довольно не полна и кратка. Нынѣшній ея списокъ есть одного бандуриста, который воспѣлъ и Самойла Кишку. Она относится къ концу XVII вѣка; Корсунскій Полковникъ Филоненко, по мнѣнію Г. Максимовича, могъ быть, сынъ Полковника Филона Чичая. Во время Хмельницкаго, Кіевская и Подольская губерніи, составляли нераздѣльную часть Малороссіи, но по милости Польской аристократіи и шляхты, тамъ въ разное время мало по малу, всѣ Русскіе благородные роды были вытѣснены или истреблены, между народомъ Унія введена насильно (*); а Козаки и Посполитые, всѣ обращены ими, въ крѣпостное состояніе; желательно, чтобы, кто либо изъ нашихъ соотечественниковъ описалъ этотъ злополучный для южной Руси періодъ.

8.

Ой на славный Украинѣ, кликне, покликне
Филоненко, Корсунскій Полковникъ,

(*) По присоединеніи сего края къ Россіи, народъ вновь принялъ Православіе.

На долину Черкень гуляти,
Славы вôйску рыцарства достати,
За вѣру Христіянськую одностойно стати:
«Которые козаки, то й мужики,
Не хотять по ролѣ спотикати,
За плугомъ спины ломати,
Жовтого сафьяна каляти,
Чорного едемана пыломъ набивати:
Славы бы вôйску рыцарства достали,
За вѣру Христіянськую одностойно стали!»
То Эсаулы у города ся засылали,
По улицамъ пробѣгали,
На винники, на лазники, словами промолвляли:
«Вы грубники, вы лазники,
Вы броварники, вы винники:
Годѣ, вамъ у винницахъ горѣлокъ курити,
По броварняхъ пивъ варити,
По лазняхъ лазень топити,
По грубамъ валятися, —
Товстымъ видомъ мухъ годовати,
Сажи вытерати;
Ходите за ними на долину Черкень погуляти!»
Скоро то до города Черкасъ, у Божій часъ пробували.
То правда Панове, була въ городѣ Черкасѣ вдова,
Вона по мужу Грициха,
По прозванію Коновчиха:
Мала собѣ сына Ивася
Удовиченка, Коновченка,
Изъ малыхъ лѣтъ годовала, лелѣяла,
До сѣросту въ наймы не пускала,
При старости лѣтъ славы да памяти прожити сподѣвала.
То Ивась Коновченко по базару похожае,
Солодкій медъ, вино пôдпивае:
Козацькій гласъ зачувае,

До вдовы прибѣгае, словами промовляе:
«Мати моя, мати , удо́во, старая жо́по!
Когда бы, мати, чотыре волы половыи,
А три чабаныи позаймала
До города Крылова отогнала,
До жида Орендаря, ще пятьдесять золотыхъ,
Готовыми гро̂шьми доплатила, —
Коня минѣ на славу козацькую купила:
Що моя душа козацькая, молодецькая, дуже возлюбила.»
«Сыну мо̂й Ивасю, Удовиченку, Коновченку!
Волися тыми волами хлѣбъ пахати,
Козако̂въ на хлѣбъ, на соль затягати,
Будуть тебе Козаки и безъ рыцарства знати.»
«Хочь я, каже, буду, мати, козако̂въ на хлѣбъ, на соль затягати,
Будутъ минѣ козаки, прозваніе прокладати:
Гречкосѣемъ, полежаемъ называти;
Не хочется минѣ, мати, по ролѣ спотикати,
За плугомъ спины ломати,
Жовтого сафьяну коляти,
Червоннаго едеману пиломъ набивати;
Хочется, мати, пойти, на долину Черкень погуляти,
Звычая козацького набрати,
Славы рыцарства достати,
За вѣру Христіянску одностойно стати.»
Скоро то ся удова, тое зачувала:
Великое пересердіе мала,
Всю зброю козацькую собирала,
У ко̂мнату замыкала,
Сабли булатныи,
Пищали семипядныи —
На стѣнѣ забувала.
Звонъ зачувала,
До Божого дому, до церкви отхожала.....

То Ивáсь Удовиченко отъ сна прочинае,
По свѣтлицѣ поглядае:
Що зброи козацькои у свѣтлици на мае, —
Вôнъ саблю булатную у руки бере,
Пищаль семипядный на плече кладе,
За вôйскомъ пѣшкомъ идé.....
Вôйско иде, якъ бжолá гуде.
Вдова старая изъ церкви, Божого дому, выступала,
По между вôйскомъ поглядала,
Ивася выглядала:
Сына своего, прелюбезного, въ лице не познала.
До госпóды прибувала, по зброи козацькои познала.
Що Ивася у госпóдѣ не застала......
Лаяла, проклинала,
До небесъ руки сьдôймала:
«Господи милосердый! бодай моего сына,
На первôй потребѣ, первая куля не минула.»
Зновъ отъ великого сердця отхожала,
Обѣдати не сѣдала,
У загороду вхожала, словами промовляла:
«Господи милосердый, будь мене, ты слова́,
Старую на постели спотка́ли,
Що я на своего сына Ивася нарекала.»
Тогдâ чотыре волы половыи, а три чабаныи
До города Крылова, до Жида Орендаря,
Ще пятьдесять золотыхъ готовыми грошми доплатила, —
Коня на славу козацью купила,
Що его душа козацькая, молодецькая, дуже возлюбила.
А ще козака съовстрѣчала:
Три копы (*) и коня до рукъ довала,
Вѣрнымъ другомъ называла:
«Ей козаче, козаче, вѣрный друже!

(*) Копá, числительная монета, нынѣ составляетъ 50 копѣекъ; три копы, въ старину были большія деньги.

Ты моего сына насдогонишъ,
Да его чёловѣкомъ постановишъ;
Нехай мôй сынъ, Ивась Коновченко,
Степу ногами не смѣрае,
Живота не вривае:
Матери старенькой не лае,
Не проклинае.
Козакъ три копы и коня дорого взявъ,
За городомъ Браиловымъ, у шести миль, вôйско догнавъ;
Между вôйскомъ выѣжае,
Между вôйскомъ поглядае:
Ивася Коновченка у лице непознае.
Скоро Ивась Коновченко коня взрѣвъ,
Барзо обомлѣвъ:
До коня пробувае —
За поводы хапае:
«Я-же, каже, думавъ мене моя мати лзе да проклинае,
Аже вона обо мнѣ стараніе мае.
Колибъ минѣ Богъ да помôгъ сіею дорогою у потребу сходити,
Не пошлабъ моя мати,
По чужимъ дворамъ спотикати,
Хлѣба да соли позычати:
Могъ бы іи при соли до вѣку содержати.
То скоро Ивась Коновченко на коня ссѣдае.
По межъ козаками повертае,
Яко бы ясный соколъ лѣтае.
Тогдâ козаки, одинъ на одинъ взглядали,
Словáми промовляли:
«Либóнь Ивась удовиченко, Коновченко,
При своемъ отцеви сърость мавъ,
Доброго коня невидавъ,
Ледвâ на своему господарствѣ дождавъ.»
То третьёго дня безбожныи бусурманы,

Филоненка, Корсунскаго Полковника, кругомъ оступали;
Но ни одинъ козакъ не обобрався,
Ни старый, ни младый на долину Черкень погуляти.
Тôлько Ивась Коновченко сердца козацького невнимае,
Коня на поводѣ веде́,
Слычокъ подъ рукою несе́
Унаметъ вступае:
Пану Филоненку, Корсунскому Полковнику, челомъ давае,
На здоровье пытае:
«Пане Филоненку, Корсунскій Полковнику, батьку козацькій!
Благослови ты минѣ, на долину Черкень погуляти,
Славы вôйску рыцарства достати,
За вѣру Христіянськую одностойно стати.»
«Ой Ивасю, Удовиченку, Коновченку!
Ще ты дѣтя молодое,
Съ розуму недôйшло, звычаю козацького не знаешъ,
Не знатъимешъ якъ бы по межъ козаками исправляти,
Якъ бы съ безбожными бусурманами погуляти;
Еще у мене оббêрется старѣйшій козакъ,
На долинѣ Черкень погуляти.»
«Ты Филоненку, батьку нашъ козацькій!
Вôзьми ты утя старое,
Другое малое,
Пусти ты на Чорне море:
Когда такъ небуде гуляти и малое
Якъ бы и старое;
Когда я не буду гуляти такъ козакъ младый
Якъ бы и старый.»
Скоро Филоненко тое зачувавъ,
Ивасю Коновченку на долину Черкень гуляти дозволяе.
То Ивась изъ намету выступае:
До коня пробувае,
Великую радость мае;

Покрѣпче подпруги подтягае,
Червоныи тыляги подъ сребромъ, подъ златомъ на себе надѣвае,
По между войскомъ повертае,
Яко бы ясный соколъ лѣтае;
Старого козака совстрѣчае —
За родного батька поважае,
Молодого совстрѣчае за роднаго брата почитае.
Богъ ему да помогъ. За таборъ выѣжавъ
Первого рыцаря встрѣчавъ —
Чоломъ давъ: съ плечь голову сънявъ;
Другого совстрѣчавъ —
И тому такій отвѣтъ подаровавъ.
То правда, панове, не богацько Коновченко, по долинѣ Черкень погулявъ,
Самыхъ наистаршихъ пятьсотъ чёловѣкъ, рыцарей, подъ мечь пускавъ,
Шести живьемъ поймавъ,
На арканъ связавъ:
Передъ Филоненка, Корсунского Полковника, языка примчавъ,
Передъ посажавъ.
Самъ Филоненко изъ намету выступае,
На тыхъ Бусурманъ поглядае;
«Ай спасиби, каже, Ивасю Коновченку!
Я казавъ ты дитя молодое,
Съ розумомъ недойшло,
Звычаю козацького не знаешъ:
А-же ты, бачу, за плугомъ похожавъ,
Вси звычаи козацькіи собиравъ.»
«Тымъ бо я, батьку, тебе обдѣляю,
Що у себе прежъ (*) ясный мечъ, прежъ мачино порожденіе маю.

(*) Многія Польскія слова, каковы *барзо* — очень, *штыри* — четыре,

Дай минѣ батьку оковиты, горѣлки, напитись,
Не зарѣкаюсь безбожныхъ бусурманъ бôльше побити.»
«Ой Ивасю Коновченку! ще ты дитя молодое,
Будешъ ты хмель уживати,
Будешъ передъ мене́ Пана молодого
На долинѣ Черкенѣ голову козацькую покладати.»
«Не буде минѣ, батьку, сей хмель ничёго зачепати,
Лучче буде сердцю смѣлости подавати.»
Скоро се Филоненко, тое зачувавъ,
Ивасю Коновченку оковиты, горѣлки, напитись дозволяе.
То Ивась у наметъ вступае,
На скамьѣ земляный, щирозлатый кубокъ взявъ,
Пѣновану пляшку выймавъ —
Шрубокъ къ отшрубовавъ,
Оковиты — горѣлки наливавъ:
Напився якъ бы могъ на коня съсѣдати.
По между вôйскомъ повертае,
Доброму коню натиски налягае,
По между вôйскомъ проѣзжае:
Старого козака совстрѣчае —
Гордымъ словомъ сневажае;
Молодого совстрѣчае — о прощаніе не пріймае,
Стремепемъ о грудь поторкае.....
То Богъ ему не помогъ. За таборъ выѣзжавъ:
То безбожныи бусурмане, чи языка пôймали,
Чи напилого чоловѣка познали —
За таборъ чверть мили отбавляли:
Молодого Коновченка пострелляли,
Порубали, съ коня сбивали; —
Все поле изгоняли,
Коня козацького не пôймали.

преже — чрезъ, употребляются только въ древнихъ думахъ и въ Малороссіи вовсе народу неизвѣстны.

То у недѣлю, у полудную годину,
Самъ Филоненко, Корсунскій Полковникъ,
Изъ намету выступае,
На таборъ поглядае:
Що кôнь козацькій полемъ гуляе,
Вôнъ до козакôвъ промовляе:
«Ей Козаки, Панове молодци! добре дбайте,
Кости да карты покидайте,
Помежъ собою, восêмъ тысячъ, войска на выбôръ выбирайте:
Штыри тысячи, по тѣло посылайте,
А штыри тысячи, коня козацького пôймать посылайте;
Бо уже кôнь козацькій, не дурно по табору гуляе:
Се конечно, Ивася Удовиченка, на сêмъ свѣтѣ не мае.»
Тогдâ козаки, якъ дѣти добре дбали:
Кости да карты покидали,
По мêжъ собою, восêмъ тысячъ, вôйска на выбôръ выбирали,
Штыри тысячи, тѣло козацькое сниходили
У червоную китайку вложили;
А штыри тысячи, коня козацькаго пôймали —
На избочъ постановили......
То правда, Панове, не богато, Ивась Удовиченко, Коновченко,
На долинѣ Черкенѣ гулявъ:
Хочя у самому хмелю бувавъ,
Ще триста пятьдесятъ чёловѣкъ на вѣкъ порубавъ.
Тогдâ козаки саблями да надôлками суходôлъ копали,
Шапками да securityполами перстъ носили, —
Высоку могилу высыпали;
Славу Козацькую учинили:
У головонькахъ червоный прапоръ постановили, (*)

(*) Этотъ обычай и по-сю-пору существуетъ въ Малороссіи, надъ могилами козаковъ и паробковъ, въ крестъ утверждаютъ не большое знамя.

Изъ семипядныхъ пищалей прозвонили......
То у Суботу на недѣлю, приснится удовѣ сонъ, барзо дивенъ на причудъ......
То вона отъ сна прочинала,
На базаръ выхожала,
Которы стары жоны то мужи совстрѣчала
Свôй сонъ повѣдала......

....

Хочь старыи жоны да мужи сей сонъ добре знали —
Удовѣ правды не сказали:
«Ты удово, старая жоно, не плачь, не журися,
Бо вже твôй сынъ Ивась подружився:
Понявъ собѣ дѣвку, Туркеню, чужеземку,
У зеленой сукнѣ, съ бѣлыми басанами;
Бôгъ ему да помогъ, гораздъ живе —
Подати не дае, хлѣба не присѣвае,
Никт-ось его не зачепае.»
Тогдâ удова до госпóды пробувала, словами промовляла:
«Хвалю тебе, Господи, и благодáрю!
Хочя мôй сынъ, буде по вôйскамъ ходити:
Буде минѣ съ кымъ, у госпóдѣ слово сговорити,
Съ невѣсткою тугу раздѣлити.»
То по Суботѣ, третьяго дня, Филоненко, Корсунскій Полковникъ,
До города Черкасъ со всѣмъ вôйскомъ появився.
Скоро то старая удова то зачувала
Великую радость мала:
Цеберъ меду, кинву горѣлки наточила у брамы стала,
Старого козака и младого о своемъ сынѣ пытала.
Первая сотня и другая наступае, вдова сына не выдае,
Третя сотня пôдъ полковою корогвою,
По переду хорунжій иде́, —
Удовиного коня за поводъ гостинця веде.
То удова, старая жена, коня узрѣла,

Вся обомлѣла:
Ударится крыжемъ о сырую землю,
Лаяла, проклинала, до небесъ руки съдôймала:
«Ой Филоненку! бодай ты собѣ, ни доли, ни счастья не мавъ,
Якъ ты моего сына, изъ между вôйска, якъ мызинный палецъ потерявъ!...»
То самъ Филоненко, Корсунскій Полковникъ,
Съ коня вставъ, вдову пôдъ плечи взявъ:
«Стôй удово, старая жено! не плачь, не журися,
Мене Пана молодого не лай, не проклинай:
Бо я твоего сына на герецъ гуляти не высылавъ, —
Вôнъ самъ охôту козацькую мавъ.»
Тогдâ удова не убога ся мала,
Три сотни войска у свôй домъ закликала:
«О теперя козаки, Панове молодци, пійте да гуляйте,
Разомъ похоронъ и вêсêлья отправляйте!»
Тогдâ козаки пили да гуляли,
Изъ семипядныхъ пищалей гремали,
Славу козацьку выславляли:
За разôмъ похоронъ и вêсêлья отправляли.
Правда, Панове, полягла Ивася Коновченка,
На долинѣ Черкенѣ голова.
Слава не умре не поляже:
Буде слава славна —
По межъ Козаками,
По межъ друзьями, —
По межъ Рыцарями,
По межъ добрыми молодцями.
Утверди Боже: люду Царьского,
Народу Христіянського,
Войска Запорожського, Донського,
Съ сіею Черныю Днѣпровою,

Низовою:
На многія лѣта,
До конця вѣка.

ШВАЧКА.

Первыя восемь строкъ этой думы, есть, по преданію, сочиненія Хмѣльницкаго. О «Рыцарѣ» этой думы, какъ и о слѣдующихъ трехъ, мы ничего не знаемъ. Въ здѣшней, какъ видно, соединены двѣ различныя пѣсни — онѣ имѣютъ даже особенные голоса.

9.

Зажурилась Украина:
Шо нигде прожити, —
Вытоптали Орда коньми
Маленькіи дѣти!

* * *

Да не такъ вона вытоптала,
А якъ вырубала;
Которыхъ не рубала:
Тыхъ въ полонъ забрала.

* * *

Ой не есть то козакъ Швачка,
Що загнавъ Ляхôвъ
Въ Бѣлу Церковь,
Въ стôйло!

* * *

Ступивъ Ляшокъ, на порожокъ,
Шаблею стискае:
Козакъ Ляха не боится —
Шапки не снимае.

* * *

Кинувсь Ляшокъ до канчука,
А козакъ до дрюка:
«Отъ-се тобѣ, сыну вражій!
Съ душею розлука!»

Прим. Канчукъ — нагайка, *дрюкъ*, по *Сл.* дреколіе, колъ.

ГОЛОТА.

═

10.

Да на Савуръ могилѣ, гулявъ козаченько, гулявъ,
Да не якого дива не видавъ:
«Ой долино-Ялино! скôлькô я на тобѣ гулявъ,
Да не якого дива не видавъ!»
....
Ой на полѣ на Киліяньскôмъ,
На шляху на Ордыньскôмъ:
То не ясный соколъ лѣтае, —
То козакъ Голота, сердечный, добрымъ конемъ гуляе;
Ой ставъ Татаринъ къ нему пріѣзжати,
Порошку на полку посыпати,
Сердечного козака Голоту сѣче да рубае,
Голота нагайкою стрѣлы отбивае:
«Ей ты, Татарюго, сѣдый, бородатый,
На що ты уповаешъ?
Чи на свою шапку бирку,
Шо шовкомъ шита,
Вѣтромъ подбита, —
А сверху дирка?
Чи на свои постолы бобровы,
Шо шовковы волоки —
Въ одну сталь

Съ валу?
Чи на свою сермягу семилатную?
Ей старый, бородатый, да кому Богъ поможе......»
....

(Козакъ беретъ въ плѣнъ Татарина, и приводитъ на веревкѣ въ таборъ войскової къ своему начальнику).

«Ой ты Савуръ могило! сколько я гулявъ,
Да такои добычи не добувавъ!»

Прим. *Шапка бирка*—шапка съ овечьихъ смушекъ; *шовкъ*—шелкъ; *постолы* — кожаныя сандаліи; *волоки* — ремни для скрѣпленія постолъ; *валъ* — пакля.

ЛЕВЕНЕЦЪ.

11.

Ой Левенче, Левченоньку!
Ты удовинъ сыну да козаченьку!
Вже-жъ на тебе, всѣ Паны встали исъ израдою
Хотять уловити громадою:
«Ой я-жъ бо ихъ да не боюся,
Я ще молодъ козакъ, выслужуся:
За два коня вороныи,

За двѣ саблѣ золотыи!»
Погодивши да не забаривши,
Да ведуть Левенця уловивши,
Ведуть его да улицею,
Съвязали руки сырицею.
За нимъ идеть: ненька старенька,
Сестра рôдненька;
«Чи я-жъ тобѣ, сыну, да не казала:
Чи я-жъ тобѣ, брате, не говорила:
Що не рубай лѣса Лебедина,
Вырубавши да съволочивши да запиливши.»

....

Ой пôшовъ Левенець затуживши
Пôшовъ жъ вôнъ да по пôдъ лугомъ
Да пôдпираючись тугимъ лукомъ;
Пришовъ же вôнъ да до криници
До холодной да до водици:
Ой стоять кони да попутаны, повьючены,
Воны отъ Левенця не утечены!
Лежать Паны да порубаны, помучены,
Воны отъ Левенця не утечены!

Прим. *Громада*, — гурьба, толпа; *израда* — вѣроломство; *забарити*—медлить; *сырица* — сыромятный ремень, кожа; *криница* (Греч. Κρένε) источникъ; *неутеченый* — неуходимый.

АВРАМЕНКО.

═

12.

Да була собѣ бѣда вдова,
Да три собѣ сына мала,
Да ни одного у велику
Дороженьку не пускала:
«Охъ, не ѣдь, сынку, да не ѣдь Климку,
У великую дорогу:
Пересѣдь, сынку, сей день середу,
У господѣ со мною!»
«Охъ, радъ бы я, моя мати,
Середу съгуляти:
Що пьють козаки у таборѣ —
Мене мати не видати.»
Ой у городѣ у Отобурѣ
Да двѣ квѣтки вьется:
Шо пôдъ городомъ Отобуромъ
Тамъ Овраменко бьется;
Ой у городѣ да у Отобурѣ
Да двѣ квѣтки съвито:
А пôдъ городомъ, пôдъ Отобуромъ
Тамъ Овраменка убито.
Да не було у него грошей много,

А тôлько жупанъ синій,
Да и то поважився прескурвый сынъ Турчинъ:
Шо вôнъ козакъ уродливый.

Прим. *Гроши* — деньги; *прескурвый* — бездѣльникъ. Послѣдніе четыре стихи довольно забавные.

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

Около 1770 г. и слѣдующихъ, когда Поляки угнетали Малороссійскихъ козаковъ, въ нынѣшнихъ Кіевской и Подольской губерніяхъ, желая обратить ихъ въ холоповъ; когда не менѣе ихъ, Уніаты, заставляли народъ отрекаться отъ Православія—часть смѣлыхъ и отчаянныхъ Запорожцевъ, вздумали освободить эту часть Малороссіи отъ ига Польши. Должно было сражаться противъ всей Польской аристократіи, къ нимъ присоединилисъ еще уцѣлѣвшіе тогда отчасти Малороссійскіе козаки, правой стороны Днѣпра, какъ-то: Жаботинскій сотникъ Мартынъ Бѣлуга, Смѣльскій Шило, Уманскій Гонта. Всѣ они погибли. Съ послѣдняго Поляки:

Черезъ сêмъ дней съ его кожу по поясъ сдирали,
И голову облупили, солью насоли......

Укр. нар. пѣсни изд. Макс. стр. 126.

13.

Максимъ Желѣзнякъ,
Славный козакъ,
Изъ славнаго Запорозья,
Якъ вôйде на Украину — якъ повная рожа (*).

*
* *

Максиме Желѣзняче!
Ты славный козаче:
За тобою Желѣзняче
Вся Украина (**) плаче.

*
* *

Славный козакъ,
Максимъ Желѣзнякъ:
Славного дивидла —
Не буде на Украинѣ, ни Ляха, ни Жида!

*
* *

Тôлькô гляне,
То все гряне......
Максимъ Желѣзнякъ,
Славныхъ козакôвъ — вôйско собирае:
....
Ой роспустивъ вôйско по всей Украинѣ,
Да не може собрати....... (***)

(*) Роза.

(**) Правой стороны Днѣпра.

(***) Какъ видно, эта дума утеряна. Въ другомъ собраніи Максимовича, послѣ взятія Умани говорится:

«И говорить Максимъ Желѣзнякъ, сидячи въ неволѣ:
Не будуть мать вражи Ляхи на Украинѣ воли:
Течуть рѣки изъ всего свѣту до Чорного моря:
Минулася на Вкраинѣ Жидовськая воля!

ГРИЦЬ.

═

14.

Да встань, батьку,
Да встань, Грицю,
Кличуть тебе люде:
«Ой якъ пôйдешъ на столицю —
По старому буде;
Ой якъ пôйдешъ на столицю —
Попросишъ Царицю:
Чи не отдасть нашихъ земель, —
Клейноты не верне!......»
«Не на тее, милы братье,
Сѣчъ атаковала,
Щобъ Царица наши земли,
Клейноты вертала.»
Тече рѣчка, невеличка —
Пôдмывае кручи:
Ой заплакавъ Панъ Кошевый
Вôтъ Царици йдучи.
У Суботу изъ вечора,
Москаль наступае,
А въ недѣлю пôдъ обѣдъ,
Лагерь розбивае.
Хôдить Москаль по курени,

Запасъ отбирае;
....
Брали сребро, брали злато,
Восковыи свѣчи:
«Оставайся, Панъ Кошевый,
Съ писаремъ на сѣчи.»
«Благослови, Отомане,
На гаубвахтѣ стати:
Москаль стане съ саблями,
А мы съ кулаками:
Нехай наша слава буде,
Промежъ Козаками!»

ЛѢСЪ ЧУТА.

15.

Славная Чута́ то́встыми дубами:
Ще славнѣша Чута́, Низомъ, козаками!
Що козаченьки завжде пробуваютъ,
Изъ Лятськои области — собѣ добычъ маютъ.
Що драли Ляховъ, драли обдирали,
Де бувъ Жидъ богатый и того не минали.
Драли гайдамики, во̂тъ Панскои ласки,

Драли кармазины, самы поносили,
Драли оксаминты, шили шаравары.
Якъ загнали *Ляхôвъ* въ Кальныи болота,
Брали много сребра и злота,
Да загнали *Ляхôвъ* до лѣса до Чуты:
Ой тамъ *Ляшенькамъ* отпоръ дали:
«Памятайте, *Ляхи*, де козацькіи шляхи,
Да насъ не забувайтесь,
Ще насъ сподѣвайтесь!»

КАЛНАШЪ.

16.

«Славный свѣтъ, наша матушка:
На що напустъ напустила,
На що наше войско,
Славне Запорожьське,
Ты такъ разорила?......
«Не хотѣла я-жъ, славны Запорожьци,
Ать такъ разорити,
А послала Москаликôвъ,
Щобъ васъ припинати.»
«Великъ свѣтъ, наша Матушка,

Пойдемъ Хану служити:
А нежъ мы маемъ Князьямъ, Генераламъ,
Вашимъ грубы топити.»
Похилилися всѣ до купочки,
Калиновы вѣти:
Заплакали славны Запорожьци,
Якъ по матери дѣти.
Собиралися ты двѣ дивизіи,
У Сѣчъ у Новый Базаръ,
Ходить нашъ Калнашъ Кошевый
И головочку съвязавъ.
И ударили та на столици
Изъ новои ручници:
«Вы кидайте, славны Запорожьци,
Пистолеты и ручници.»
Ой ударили изъ столици,
Изъ новои пушки:
«Утекайте, славны Запорожци,
Не то кoньми и пѣшки!
Ой кругомъ церкви Сѣчевои,
Караулы стали:
Священнику отцу Владимеру,
Служити не дали.
Тече рѣчка невеличка,
Подмивае кручи:
Заплакали славны Запорожци,
Отъ сѣчи идучи.
Летѣла бомба отъ Чорного моря,
Да середь Сѣчи впала:
Хочь пропали Запорожьци,
Да не пропала ихъ слава!»

═

Слѣдующія двѣ думы извѣстны, но здѣсь онѣ предлагаются какъ варіанты, имѣя каждая прекрасныя мѣста, которыхъ въ прежнихъ не находится; вторая изъ нихъ есть дума извѣстная въ нашихъ собраніяхъ пѣсней, подъ именемъ: бури на Черномъ морѣ; я имѣю объ ней другой варіантъ, въ нѣсколько сотъ стиховъ и не менѣе огромный: о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова; но къ сожалѣнію теперь не находятся онѣ подъ рукою, быть можетъ, со временемъ издамъ ихъ.

17.

У недѣлю рано, берзо рано, не у вси звоны зазвонено:
Якъ у крайнимъ домѣ говорено;
Отецъ и мати въ чужую сторону
Сына выпровожали, словами промовляли:
«Иди-жъ, ты сыну, межъ чужыи люде,
Чи не лучче тобѣ буде?
«Не хотѣлось бы минѣ мати,
Въ чюжій сторонѣ пробувати,
Будуть мене, мати, пришеньцемъ называти.»
Сестра старша коня веде,
Середульша сестра зброю несе,
Шо найменьша сестра — брата выпровожае, словами промовляе:
Вôткôль тебе, брате, выглядати:
Чи съ буйнои войны,
Чи съ чистого поля,
А чи съ людославного Запорожья?»
«Не выглядай мене, сестро:
Ни съ буйнои войны,
Ни съ чистого поля,
Ни съ людославного Запорожья;

Во̂зьми, сестро, жовтого пе̂ску жменю,
Посій на бѣлому камени,
Вставай, сестро, ранесенько,
Поливай жовтый песокъ частесенько,
Ранними вечерними зорями:
Чи своими дро̂бными слезами......
Ой коли, сестро, о Петра, рѣки замерзали,
О Роздвѣ, калина въ лузѣ — бѣлымъ цвѣтомъ процвѣтала,
Объ Василля, ягоды изрожали;
Жовтый песокъ по бѣлому камeню исходивъ
Синимъ цвѣто̂мъ процвѣтавъ,
Хрещатымъ барвинкомъ у чотыри ряды устилавъ?»
Промовить сестра словами,
Обольется горько слезами:
«Якова я, брате, стала,
Що я отъ старыхъ людей не чувала:
Що о Петра, рѣки замерзали,
О Роздвѣ, въ лузѣ калина бѣлымъ цвѣтомъ процвѣтала,
Объ Василія, ягоды изрожали,
Жовтый песокъ на бѣломъ камени исходивъ,
Синимъ цвѣтомъ процвѣтавъ,
Хрещатымъ барвенкомъ у чотыри ряды устилавъ.»
«Чи ще то, сестро, сему не догадаешься:
Що о Петра, рѣкамъ не замерзати,
О роздвѣ, калинѣ у лузѣ бѣлымъ цвѣтомъ не процвѣтати,
Объ Василія, не изрожати,
Жовтому песку по бѣлому камени не сходити,
Синимъ цвѣтомъ не процвѣтати,
Хрещатымъ барвенкомъ у чотыри ряды не устилати:
Уже минѣ, сестро, вашимъ гостемъ не бувати.»
Промовить сестра, словами,
Обольется горько слезами:
«Добро, каже, брате, на чужинѣ пробувати,
Въ кармазинахъ похожати:

Будуть тебе, брате, кумы, побратими знати;
А пришибе тебе на чужій сторонѣ — злая година,
Лиха хуртовина, —
Отцурается тебе, брате, вся названная родина...»
На святого Духа, люде изъ церкви идуть,
Якъ бжолы гудуть;
Пола съ полою мелькается;
Побратимъ съ побратимомъ на здоровье пытается....
Охъ, якъ то трудно звѣрю, птицѣ,
Безъ поля, безъ дубровы:
То такъ трудно щуцѣ рыбѣ на суходолѣ;
Охъ, якъ то трудно съ сырои земли
Важкій камень съняти:
То такъ трудно на чужинѣ, безъ отца, безъ матки, померати:
Для себе сердечнои родины не мати!....

18.

На синѣмъ морѣ, на бѣлому камени,
Тамъ сидить ясенъ соколъ бѣлозерець,
Жалобненько квилить, проквиляе,
На святе небо поглядае:
Половина солнця и мѣсяця
У тьму потмарило,
Уже во тьму уступило...
Що не разомъ на морѣ починало,
Козацькіи суда на три части розбивало:
Перву часть отбивало —
Въ тихій Дунай замчало;
Другу часть отбивало —
Въ Агарянську землю заносило;

А третю часть отбивало. —
Середь моря затопляло.
У сей части затопляе, два брата родненькихъ:
Якъ голубенькôвъ сивенькихъ.
И между ними третья: чужа-чуженица,
Безродный и безплеменный!
Тому ни съ кѣмъ прощанья приняти,
На чужинѣ порятунку дати!....
....
Тôлькô старшій братъ, промовить словами,
Обольется горько слезами:
«Се, брате, не сопротивна хвиля затопляе:
А отцева, паниматчина молитва карае,
Що мы у охотче вôйско выряжалися:
У отца и матки прощенія не прохали,
Старшого брата не сважали,
Средульшу сестру, не чтили и не поважали,
Ближнему сосѣду, хлѣба-соли сбавляли;
Противъ церкви проѣздили: сличокъ съ главъ не-
сднимали,
Милосердного Творця — на помощь не прохали:
Старыхъ людей марно сневажали.
А по тымъ, мы, счастье и долю утеряли.
Се, брате, коли бъ отцева молитва и паниматчина:
Изъ супротивный хвыли вызволяти,
Могли бъ мы, брате, отцеву молитву и паниматчину
выхваляти,
И старшого брата за родного отця мати,
Середульшу сестру чтити и поважати,
Ближняго сусѣда за родного брата мати.»
Тôлькô стали отцеву молитву и паниматчину выхваляти,
Ставъ ихъ Господь на Русь вызволяти,
Стали близко къ бережку приплывати
И рученьками за бѣлый камень хапати,

На берегъ выступати:
На край веселый,
Межъ народъ хрещеный;
До отця до паниматки прибувати,
Противъ сынôвъ отецъ, матерь, выходили:
«Эй чи добре, сыны, въ дорозѣ починалось?»
«Добре, Панъотче и Паниматко, на синêмъ морѣ гуляти,
Тôлькô не добре, чужему чуженицѣ на чужинѣ померати
Тому ни съ кѣмъ прощанья принятп, —
На чужинѣ порятунку дати.»
Счастливый той, Панове молодци,
Чёловѣкъ на свѣтѣ бувае,
Который чтить отця и неньку поважае:
Отцева молитва и Паниматчина
И изъ супротивнои хвили вызволяе.

Прим. Порятунокъ (Нѣм. Retten, спасать.) помощь, пособiе. *Хвиля* (ст. свиля) волна. *Сликъ* — шапка. Сѣверные берега Черного моря, называются въ думахъ Русскими.

ПЛАЧЪ НЕВОЛЬНИКА.

19.

«Поклоняется бѣдный невольникъ:
Изъ земли Турецькои, изъ вѣры Бусурманскои
У города Христіянськіи — до отця, до матусѣ,
Що не может вôнъ имъ поклонитися, —
Тôлько поклоняется голубенькомъ сивенькимъ:
Ой ты голубенько сивенькій!
Ты далеко летаешъ, ты далеко буваешъ;
Полени ты въ города Христіянськіи:
До отця моего, до матусѣ,
Садь, пади, на подворьѣ отцовскôмъ,
Жалобненько загуди:
Объ моеи пригодѣ козацькои припомяни;
Нехай отець и матуся,
Мою пригоду козацькую знають, —
Статки, маетки, сбувають,
Велики скарбы собирають —
Головоньку козацькую изъ тяжкои неволи вызволяють!
Бо якъ стане Чорнее море согрѣвати:
То не знатъ-име отець, либонь матерь,
У которои каторзѣ шукати;
Чи у пристанѣ Козловськои,
Чи у городѣ Царь-градѣ на базарѣ;

Будуть Ушкалы, Турки, Янычаре набѣгати,
За Червоное море у Орабськую землю запродати,
Будуть за нихъ сребро, злато, не личачи,
Сукна дороги, поставами не мѣрячи,
За нихъ брати.
Тогдâ далася бѣдному невольнику,
Тяжкая неволя добре знати:
Кайданы руки, ноги посъѣдали,
Сырая сырицн до жовтой кости
Тѣло козацькое проѣдала....»
То бѣдныи невольники, на кровь, на тѣло поглядали,
Объ вѣрѣ Христіянськiй гадали,
Землю Турецькую, вѣру Бусурманскую проклинали:
«Ты земле Турецькая, вѣро Бусурманская,
Ты єсь наполнена сребромъ, златомъ
И дорогими напитками:
Тôлько-же бѣдному невольнику на свѣтѣ невôльно,
Что бѣдный невольникъ у тебѣ пробуваваеть:
Праздника Рождества, будь-ли Воскресенія не знаеть;
Все у неволѣ проклятои, на каторзѣ Турецькои,
На Чорнôмъ морѣ пробувають,
Землю Турецькую, вѣру Бусурманскую проклинають:
«Ты земле Турецька, вѣро Бусурманьска,
Ты розлуко Христiянська!
Уже бо ты розлучило, не единого за сêмь лѣтъ войною:
Мужа съ женою, брата съ сестрою,
Дѣтокъ маленькихъ съ отцемъ и маткою.
Вызволь Боже бѣдного невольника:
На Свято-Руськiй берегъ,
На край веселый, межъ народъ хрещеный....»

Прим. *Червоное море* — Чермное море; *каторга* — гребное судно; *шукати* (Нѣм. Suchen) искать; *личити* (Сл.) считать; *сырицяя* — сталь.

Одинъ Польскій писатель XVII вѣка, говоритъ, что въ Европейской Турціи, въ его время, находилось до 150,000 тысячъ человѣкъ изъ южной Руси въ невольничествѣ, не говоря объ Анатоліи.

КАЛНАШЪ.

20.

Славно було Запорожье всѣми сторонами,
А теперя нельзя прожити за Москалями.
«Стережися, Калнашенко, вôтъ чистого ставу:
Бо втеряешъ Запорозье и козацьку славу....»
Не стерêгся Калнашенко вôтъ Чорного моря:
Уже ему въ Петербурсѣ шестый годъ неволя.
Зруйновали Запорозье, забрали и свѣчи:
«Оставайся, Панъ Кошевый, съ писаремъ на Сѣчи.»
Зруйновали Запорозье, забрали и клейноты;
Наробили сѣромахамъ великôй скорботы!
Наступала чорна хмара, ставъ дощъ наступати,
Стали наши Запорожцы подъ Турка втекати,
Подписалось сорокъ тысячъ пôдъ Турчиномъ жити:
ПрисягалиТурчинови якъ Москаля бити!....

ПѢСНИ.

═

1.

Хто не пивъ воды да Дунайськои,
Той не ѣвъ каши козацькои!
Гомôнъ, гомôнъ по дубровѣ,
            Туманъ поле покрывае,
Мати сына научае:
«Да не журь мене, моя да стара нене:
Бо я журьбу и самъ знаю, —
Шлеть мене Гетьмана до Дунаю,
Да я Дунаю, я самъ не знаю
Да до Дунаю прïѣзжаю:
            Съ кониченька не вставаю
            Въ пахву шаблю не ховаю,
            Все съ Дунаемъ розмовляю:
«Ой чомъ-же, ты Дунай, такъ ставъ смутенъ,
                        Коломутенъ?
Ой що-жъ Дунай, тебе сбило,
            А чи вороныи галочки,
            Чи вороныи да кониченьки,
            Чи молодыи козаченьки?»
            ....
Да ведуть кони да Гетьманськïи:
Да не пьють воды Дунайськои,

Да не пьють воды, не почивають,
Все на той бôкъ да поглядають:
Де козаченьки коньми грають,
А шабельками повертають.

2.

Охъ, вы галочки, чернопêрочки
Да крутую гору крыли:
Молодыи да козаченьки,
Да жалю начинали.
«Ой вы галочки, чорнопêрочки,
Поднимитеся у гору:
Вы молодыи козаченьки,
Вернитеся до дому:»
«Ой рады мы да поднятися,
Такъ туманъ прилягае:
Охъ, мы ради да вернутися,
Да Гетьманъ не пускае;
Да не такъ Гетьманъ, якъ Гетьмана мати,
Хоче нами, козаками, Турка съвоевати.

3.

Ой по морю да по тихому Дунаю,
Тамъ плавала да бѣла лебедонька
Съ маленькими лебеденятами.
Да де се узлвся сызокрылый орелъ:
Ставъ лебêдку бити, пробивати,
Стала лебêдка ему промовляти:
«Да не бій мене, сызокрылый орле!

Скажю тобѣ вси жилности мой :
Шо у городѣ у Коловерѣ ,
Тамъ бьется орда , три дни, три годинѣ , —
Текли рѣчки все кровавыи ,
Мостили мосты все тулубами —
Козацьми все головами!»

4.

Ой летае сизый орелъ у высокій могилы :
Засилáе гетьманъ листы по всей Украинѣ :
«Оживите , Украинци , не бôйтесь никого , —
Извоевавъ Москаль Пруса и ще Шведа много.
....
....

5.

Во время Семилѣтней войны, тысяча Малороссійскихъ Козаковъ, были въ Пруссіи съ Россійскими войсками, вѣроятно по этому случаю они занесли въ свой край слѣдующую солдатскую пѣсню того времени :

Ой у городѣ у Кистренѣ, а передъ Кистренскими воротами,
Тамъ стояла горница малеваная :
А въ той горницѣ Россійскій Графъ Кгрикгоръ Загаевичъ, (*)
Онъ на той горницѣ похаживаетъ ,
Да на свою армію погляживаетъ :
«Таланъ мой, таланъ мой такой,

(*) Чернышевъ.

Служба, службушка Государева!»
Какъ услышалъ это да Прусскій Король,
Позвалъ къ себѣ Россійскаго Графа Кгрикгора Загаевича,
Онъ сталъ его поить и кормить
И сталъ его распрашивати:
«Охъ, ты же, говорить, Россійскій Графъ Кгрикгоръ Загаевичъ!
Служилъ ты еси своему Бѣлому Царю,
Послужишь ты мнѣ Прусскому Королю,
И вѣрою и правдою,
Будешь ты у меня, что найстаршой членъ!»
«Ахъ, ты-же, говоритъ, Прусскій Король,
Королевское твое Величество!
Да какъ наша Матушка разгнѣвается,
Да какъ вся армія да подниметса,
Да какъ наберетъ она молодыхъ солдатъ,
А что артиллеріи головой не знать!
Да какъ тѣ солдаты, ломовыя пушки съ собою возьмутъ,
Твой городъ Кистринь весь разобьютъ:
Тебя Короля Прусскаго въ полонъ возмутъ.

6.

Вотъ одна изъ лучшихъ воинскихъ пѣсней, древней Малороссіи: козакъ, обремененный добычею, отсталъ отъ своего войска; будучи окруженъ со всѣхъ сторонъ непріятелями, онъ ни сколько не унываетъ — одинъ только вѣрный товарищъ — конь его, предается туги, печали; въ эту критическую минуту, начинается между ними разговоръ, составляющій содержаніе всей этой пѣсни. Голосъ ея превосходный; примѣчательно, что онъ удивительно какъ сходенъ съ извѣстнымъ романсомъ Жуковскаго: сбираются тучи.

Да шумить, гуде, вѣтеръ по дубровѣ,
Блудить, блудить козаченько по дорозѣ......
Пôдъ нимъ вóронъ кониченько нудить
«Ой чего жъ ты да, мôй кóню, нудишъ,
Изъ битои дороженьки блудишъ?
Чи я тобѣ да, мôй кóню, вáжокъ,
А чи моя козацькая збруя,
А чи добыченька моя?......»
Ой ты-жъ минѣ да, мôй пане, не вáжокъ:
А ни твоя козацькая збруя,
А ни добыченька твоя;
Ой то-жъ минѣ да, мôй пане, важко:
Що ты будешъ у шинкарки пити,
А я буду сыру землю бити;
Що ты будешъ на лôжку лежати,
А я буду на хляцѣ стояти!»
«Не журися, мôй коню, вороненькій:
Будеть оброки — по самыи боки,
Будеть сѣна — по самы колѣна,
Будешъ въ станѣ на сусѣ стояти......»
«Ой ще минѣ да, мôй пане, важко:
Що изъ бокôвъ да сторожае,
А изъ зáду да погоня иде́,
А изъ переду да сувстрѣчае......»
«Да не журися, мôй коню вороненькій:
Мы сторожу да обминемо,
А отъ погони да утечемо,
А сувстрѣчею да побьемся!
Ой, низомъ-же, мой коню, низомъ!
Да заросла дороженька хмызомъ,
Ой ты-жъ у мене да кôнь вороненькій:
Перескакуй да хмызъ зелененькій!»

Прим. Шинкарь, ка (Нѣм. Schenken, пить.) трактирщикъ, корчемникъ. *Хляка* — слякоть. *Оброкъ* — кормъ. *Хмызъ* — лѣсная заросль.

7.

Ой у недѣлоньку рано, пораненьку,
Ой у недѣлю въ ранцѣ,
Выпровожала матусенька сына
Да у тыи новобранци:
«Ой ѣдь, сынку, ой ѣдь, сыну,
Ой ѣдь да не барися,
Выѣдь, сынку, за крутую гору
Да назадъ вернися!»
«Ой не швидко, моя-жъ матусенько,
Назадъ я вернуся:
Що-сь пôдо мною мôй кôнь вороный
На воротяхъ споткнувся......
Ой сълетѣвъ пѣвень на новы ворота
Да сказавъ: какарѣку!......
Не сподѣвайся, матусенько, сына
Изъ новобранцêвъ до вѣку!»

Прим. Пѣвень (По Сл. пѣтель) пѣтухъ; *сподавиться* — надѣяться.

8.

Гей, изъ устѣ Днѣпра да до вершины,
Семьсотъ рѣчокъ и чотыри,
Да вси воны да у Днѣпръ впали,
У Днѣпръ у правный да несказанный!
Да повѣйте вѣтры да низовыи,
Да на парусы безводныи
И на демены малёваны!
Ой сидить козакъ да на деменѣ,
И вôнъ деменомъ повертае:
И на Чорне Море погладае......

Ой плыве судно, однимъ одно,
А въ тому суднѣ Турчинъ сидить и съ Туркенею;
А Туркеня сидить, вона негуляе, —
Шовковенькій рушничокъ вышивае: (*)
«Ой кому сей рушникъ буде:
А чи Турчину, чи Татарину, а чи козакови молодому!»
«Ой се буде (**) да Кошевому да молодому.»

9.

Темная ночка да не видная де будемо ночевати?
Головонько же, моя бѣдная, чи у степѣ, чи у полѣ,
Чи при битый дорозѣ?
Чи у тыеи дѣвчиноньки,
Чи у тыеи рыбчиноньки —
Шо чорныи брови?......

10.

Ой у полѣ дымно да дымно,
За туманомъ и свѣта не видно,
Ой у полѣ да туманъ, роса́:
Ой тамъ Романъ да волы пасе́,
А дѣвчина да воду несе́.
Романъ волы покидае

(*) Въ разъѣздѣ на Черномъ морѣ, козаки, вѣроятно, плѣнили это судно: ой кому сей ручикъ буде, спрашиваетъ козакъ, который сидитъ на кормѣ или деменѣ.

(**) Отвѣчаетъ Турчанка.

И дѣвчину переймае:
Съ вêдеръ воду вывертае.
«Ой Романе, да Романочку!
Скажу тобѣ всю правдочку:
Не выливай съ вêдеръ воды,
Буде мене мати бити,
Да нѣкому оборонити.»
«Ты дѣвчино молодая!
Ты матери знай отгадати:
Съпôдъ зеленои грушы,
Палетѣли сѣрыи гуси,
Сѣли, пали, на Дунаёчку,
Сколотили всю Дунай-воду, —
Я молодá постояла:
Пока водá вщелочала!»

11.

Тихій Дунай воду понимае,
А ще тихше, Дунай воду несé,
Сидить дѣвка, сидить красна,
Вона русу косу чеше,
Що начеше, то на Дунай несе:
Плевить же вы, мои чорныи кудри,
Плевить же вы по тихому Дунаю,
По тихому Дунаечку,
Къ моéму вѣрненькому другу!»
На козаку жупанъ голубенькій,
На козаку поясъ шовковенькій:
«Прощай, прощай! теперь мила моя,
Теперь же я тебе не боюся —
Молодъ козакъ, я ще оженюся;
Да пришіють молоду квѣтку,

Тобѣ мила надѣнуть намѣтку.»
Теперъ же ты, молодый козаче,
Съвêвъ съ ума мене бѣдну дѣвчину,
«Теперъ же я ни дѣвка, ни жêнка,
Теперь минѣ мандрôвка на думцѣ!»

Прим. Намѣтка — головной уборъ, серпанокъ замужнихъ женщинъ; *мандровка* (Нѣм. Wandern, итти.) бѣгство.

12.

«Да теперъ же ты, мôй миленькій,
У дорогу выряжаешься,
Да не дай Боже пригодоньки
Надъ тобою у дорозѣ.....»
«Ой я пригодоньки да не боюся,
Господу Богу дай помолюся:
Хоть самъ себé събавлю — иншу собѣ съпайду —
Тебе не вôзьму.»
«Я-жъ, буду плакать
И молитъ-иму Бога,
Щобъ тебе побило
Де гладка дорога!......»
«Тобѣ на Бога не сподѣваться,
Самый було пошановаться:
Знать було звычай мôй,
Держать було розумъ свôй,
Тобѣ дѣвчино!»
«Я-жъ, ймала розумъ да за тобою утеряла,
Що на твои кары очи уповала......»
«Уповала, дѣвчино, да не совсѣмъ,
Була любима ты усѣмъ......
Теперъ же съоставайся,

Съ кѣмъ хочь собѣ знайся:
Бо я не вôзьму!»

Прим. *Шановати* (Нѣм. Schätzen.) почитать, *шановаться* — исправиться.

13.

«Охъ, израда, чорны брови израда!
Чёму въ тебе, зрадо, не вся щира правда?
Пустивъ еси славоньку такую:
Казавъ еси, сердце, що сватати буду, —
А теперя думаешъ, гадаешъ:
Яку собѣ, сердце, другу брати маешъ!
Ой хочь сънайдешъ на лице бѣлѣйшу, —
Такъ не сънайдешъ, сердце, на словахъ вѣрнѣйшу.
Ой хочь сънайдешъ, съ чорными бровами:
Такъ не сънайдешъ, сердце, съ вѣрными словами!
Покинь милый, коня вороного,
Щобъ я не забула тебе молодого.»
«На що мила, коня покидати,
Коли мене любишъ, той такъ не забудешъ.»
Исправь милый, Черкесське сѣдельце,
Щобъ я не забула яке твое сердце.»
«На що мила, сѣдло исправляти,
Коли мене любишъ, той такъ не забудешъ!»
«Исправь милый, золоты удила,
Щобъ я твого коня до воды водила.»
«На що мила, золото теряти —
Будешъ мого коня съ вѣдра напоßати.»
«Покинь милый, ты свôй жупаночокъ
Щобъ не забула якій твой станочокъ.....»
«На що мила, жупанъ покидати,
Коли мене любишъ, той такъ не забудешъ.»

14.

«Лугомъ иду, коня веду,
Розвивайся луже!
Сватай мене, козаченько,
Люблю тебé дуже......
Ой хочъ сватай, хочъ не сватай,
Та хоть присьлайся:
А щобъ слава не пропала,
Що рôкъ ты кохався.»
«Колибъ-же, ты дѣвчинонько,
Трошки богатенька:
Взявъ бы тебе за рученьку,
Повêвъ до батенька;
А то моя недоленька,
Що ты убогонька:
Буде минѣ зла руганька,
Отъ мого батéнька.»
«Коли-бъ же я, козаченьку,
Трошки богатенька,
Наплевала-бъ я на тебе
И твого батенька!
Ой пôйду я пôдъ вишеньку,
Ажъ листъ опадае;
Жалуй мене, дружиненько, —
Милый покидае!» (*)
«Не журися, дѣвчинонько!
«Рута зелененька,
«Сей покине, — другiй буде,
«Ще-жъ ты молоденька....
«Коли-бъ же ты, дѣвчинонько,

(*) Дѣвушка, получивъ отказъ отъ своего корыстолюбиваго любовника, прибѣгаетъ къ своей подругѣ — чаровницы или волшебницы. Слова, означенныя знакомъ » суть заклятіе послѣдней.

«Тогда̂ за мужъ по̂шла
«Якъ на битый дороженки
«Яра-рута взо̂йла....
«Коли-бъ же, ты козаченьку,
«Тогда̂ оженився,
«Якъ у млинѣ на камêни,
«Куко̂ль уродився....»
А дѣвчина догадалась —
Руту посѣяла;
Дожщи по̂йшли — рута взо̂йшла,
Дѣвка за мужъ выйшла.
А у млинѣ на камени, —
Куко̂ль не вродився:
Козакъ старый, якъ собака,
А ще не женився!

Прим. *Трошки* — не много; *млинъ* — мельница; *ругонька* — гнѣвъ, поруганіе.

16.

«Ой пій, мати, тую воду, що я наносила:
Будь для того, мати, добра — що я полюбила.»
«Ой не буду воды пити, буду розливати:
Мимо мене полюбила — буду розлучати!»
«Не розливай, мати, воды, бо тяжко носити:
Не розлучай мене съ милымъ, не тобѣ съ нимъ жити.
Тяжко мати, тяжко мати, исъ тымъ буде жити,
Ой якъ кого моé сердце: не хоче любити.
Хочь бій, мати, хочь лай, мати, — то не розлюблюся:
Лучче сгину съ горя бѣдна — нêжъ съ нимъ розлучуся!»

Прим. Лаяти (Сл.) — ругать.

17.

Очи мои кары,
Горе-жъ минѣ съ вами!
Сусѣды близкіи, —
Вороги — тяжкіи:
Судите, гудите, —
А самы такіи!
Я дѣвчину люблю,
И любивши возьму:
И вскорости умру;
А ты живи мила,
Не забувай мила:
Де моя могила.
Ой моя могила:
Да край Дунаю,
Край Дунаечку,
Тяжко на сердечку!....
Съôйды на могилу,
Не кидай землею:
Ой сама ты знаешъ,
Що важко пôдъ нею....
Съôйди на могилу,
Да не тужи дуже, —
Скажуть вороженьки:
«Любилися дуже!
Вѣрно любилися
Да не побралися.»
Тôлькô ворожеки
Да навтѣшалися!»

18.

Ой у полѣ криниченька: ключъ и ведро:
Да вже-жъ моей дѣвчиноньки давно не видно!

Ой жаль минѣ буде,
Возьмуть іи чужи люде,
Не буде моя!
Ой у полѣ въ криниченьки, орлы воду пьють:
Да вжежь мою дѣвчиноньку къ вѣнчанью ведуть!
Ой жаль и проч.
Одинъ веде за рученьку, другій за рукавъ, —
Третій стоить, сердцемъ болить, —
Любивъ да не взявъ!....
Ой жаль и проч.

19.

Добро́ було нашимъ батька́мъ, на Украинѣ жити:
А теперя досталося панщину робити.
Наступала чорна хмара, настала и сива: (*)
Неотбуде сынъ за батька, а батько за сына!
Наступала сива хмара, настала и ряба.
Що не сгуляе у Добродѣя и старая баба!

20.

У Середу родилася, охъ! минѣ горе,
Не пôйду я за старого бородою коле:
А пôйду я за такого, що не мае уса,
Вôнъ кивне и моргне — то я засмѣюся.

21.

Дѣвчинонька по грибы ходила,
У зеленымъ гаю заблудила,

(*) См. Думу № 20.

Приблюдилась де дубъ зелененькій:
Ажъ тамъ стоить — гайдай молоденькій!
«Ой гайдаю, выведи мене изъ гаю,
Бо справдѣ дороги не знаю!»
«Коли-бъ же ты, дороги не знала,
То-бъ ты мене гайдаемъ не звала;
То-бъ ты мене серденькомъ назвала.»
«Помолюся я Святому Богу; —
Чи не съо̂йду сама́ на дорогу́;
Помолюся я Святои Пречистѣ, —
Нехай хо́дить по грибы нечистый!»

Прим. *Гай* — (Нѣм. Hain.) *лѣсъ*, роща; *гайдай* - *лѣсничій*.

КОМАРЬ.

═

22.

Сѣвъ комарь на дубочку,
Склонивъ головочку на листочку:
Де взялися бури и вѣтры, и стучать,
И гурчать,
Комаря до долу мчать.....
Ой тамъ тесли теслёвали:

Комареви труну събудовали,
Дорогими сукнами окладали,
Золотыми цвяхами побивали:
Поховали комаря въ чистомъ полѣ,
Край дороженьки.
Ой идуть туда Цари и Паны:
«Ой що се лежить за покойникъ,
Чи Царь, чи Гетьманъ, чи полковникъ,
Чи съ чужои стороны чужестранець?»
«Се, не Царь, не Гетьманъ, не полковникъ,
Ни съ чужой стороны чужестранець;
Ой се-жъ лежить комарище, —
Славного войська козачище!»

Прим. *Тесля* — плотникъ; *труна* — гробъ; *цвяха*-гвоздь, *будовати*-строить.

23.

Одна изъ особенностей народной поэзіи Малороссіянъ, — какъ Богемцевъ, и новѣйшихъ Грековъ — есть пѣсни, въ которыхъ предметомъ разговоровъ и дѣйствій составляютъ пернатыя, — ихъ можно справедливо назвать птичьими. Для образца представляю три таковыхъ пѣсней и лучшій варіантъ чайки.

ГОЛУБЬ и ГОЛУБКА.

Ой подумайте, мысли, по моемъ безчастью,
Да долго мнѣ жити у великій напасти?

Да минѣ въ сêй напасти
По вѣкъ не пропасти....
По надъ рѣченькою, по надъ быстренькою:
Ой тамъ сидить голубь съ голубкою.
Голубенько гуде, а голубка не знае,
Що голубь іи покинути мае.
«Ты голубеньку сивый,
Есть ты неправдивый:
Промовъ, сердце, словце,
Съвесель моé сердце..!»
«Ты голубко сива,
Есть ты неправдива:
Съ великого жалю —
Я слова не мовлю!
Окипѣло сердце червоною кровью...»
«Да голубеньку сивый,
Есть ты неправдивый:
Я зêлья добуду, —
Промовъ, сердце, словце, рада тобѣ буду.»
«Ой голубко сива, зêлье не поможе, —
Коли милосердный не поможе Боже.»

ЖУРАВЛЬ.

═

24.

«Ой не ходи, журавлику,
До озера пити:
Засѣдають да два Ляшенька,
Хотять тебе убити.»

«Якъ-же минѣ до озера,
Не ходити пити,
Що тамъ у мене
Да маленькіи дѣти?
Не ля минѣ излинути
Дѣтей наглянути!
Ой де балки,
Тамъ рыбалки;
Де байраки,
То тамъ козаки.»

СОЛОВЕЙ.

25.

Шли козаченьки изъ Украины,
Да кресали огонь изъ оружины,
Да пустили пожаръ по долинѣ,
Соловейковы дѣтки попалили.
Якъ же соловейку безъ дѣтины:
То такъ козаченьку на чужбинѣ!

ЧАЙКА.

═

26.

Ой бѣда чайцѣ,
Чайцѣ небозѣ:
Що вывела дѣтки,
При битый дорозѣ.
Киги! Киги! сълетѣвши въ гóру,
Прійшлось втопиться въ Чорному морю!
Жито поспѣло,
Приспѣло дѣло,
Идуть женци жати,
Дѣтокъ забирати.
Киги! Киги!....
Дѣти мои, дѣти!
Де васъ подѣти?
Чи минѣ втопиться,
Чи съ горя убиться?
Киги! Киги!....
И куликъ чайку,
Взявъ за чубайку!
Чайка кигиче:
«Сгинь ты куличе!»
Киги! Киги!....
И бугай: «*бугу!*»
Гне съ лозы дугу:
«Не кричи чайко,
Повѣшу въ лугу!....»
Киги! Киги!....

«Якъ не кричити,
Якъ не лѣтати!
Дѣтки мале́ньки —
А я ихъ мати!...»
Киги! Киги! сълетѣвши въ го́ру
Прійшлось втопиться въ Чорному морю!

КОСИЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

27.

Ой горе, горе, не коше́не поле;
Велике поле — да косить его горе;
Ой найму, найму, косариковъ чотырê,
Щобъ мое́ поле гладенько искосили,
Косарики косать и вѣтеръ повѣвае:
Де-сь мôй миленькій съ инщими розмовляе,
Ой пôйду я водици до криници, —
Ажъ тамъ мôй миленькій цѣлуе молодици:
«Ой годѣ! милый, молодиць цѣловати,
Ходимо-жъ мы вечеру вечеряти.»
Вечеряй мила, коли-жъ ты наварила,
А я пôйду де дѣвка чорнобрôва.»
«Вечеряла-бъ тебе, лихая година:
Шо чужа мила, хоро́ша, чорнобрива!»

ОБРЯДНЫЯ ПѢСНИ.

═

ПЕТРОВКА.

═

1.

Малая нôчка Петрôвочка
Да не выспалася наша дѣвочка,
Не выспалася, не нагулялася,
Пришла до дому батька боялася:
«Ой дубровна зузеленько, не куй рано у добровѣ,
Несбуди-жъ мене молодои:
Избудять мене ранній тебе (*),
«Устань, невѣхно, неработнице,
У моêмъ домѣ, не кукôльнице,
Уже коровы у добровѣ,
Уже овечечки у чистому полѣ,
Уже и плугатери у толоцѣ,
Уже и твôй миленькій по тôмъ боцѣ:
Да не переплести,
Ни перебрести,

(*) Дѣвушка разговариваетъ съ кукушкою, какъ ее рано будетъ разбуживать будущая ея свекровь.

Ни рученьку дати, утопати. —»
«А ты доненько (*), знай отгадати:
Що я не утонька упоринати,
Съ лёдомъ воды доставати!»

КОЛЯДЫ.

2.

Ой заказано и зарадано,
Святый вечоръ! или Славенъ еси нашъ милый Боже!
Всѣмъ козаченькамъ у вôйсько итти:
Пану (**)......ку корогôвъ нести;
А у его ненька,
Вельми старенька,
Выпровожала
И научала:
«Ой сыне мой, сынку!
Не попережай у передъ вôйська,
И не оставайся позадѣ вôйська:
Держися вôйська — все середняго
И козаченька все статечного.»
Молодый..... ко непослухавъ нени своеи,
У передъ вôйська конемъ играе,

(*) На эти злостныя слова свекрови, родная мать будущей невѣстки научаетъ ее, какой должно дать на это отвѣтъ. Свекровая, какъ видѣли, чтобы сбудить скорѣе свою невѣстку, говоритъ, что мужъ ея утопаетъ.

(**) Вставляется имя, въ честь кого поютъ коляду.

А позадь вôйська мечемъ махае.
Угляне, се, самъ царь на креслѣ:
«Ой колибъ я знавъ,
Чій то сынъ гулявъ:
То я-бъ за ѐго, свою дочь отдавъ,
Половину царства ему бы отдавъ.»

Прим. *Неня* — мать.

3.

Изъ-за горы, изъ за каменнои,
Святый вечоръ!
Да вôттôлъ выспупá велике вôйсько,
А по переду панъ ......ко идé
Панъ ......ко идé, коника ведé,
Хвалится конемъ передъ королемъ, —
Да нема у короля токого коня,
Якъ у нашего Пана......ка.
Хвалится стрѣлою
Передъ дружиною,
Да нема у дружины, —
Такои стрѣлы,
Якъ у нашего Пана ......ка.
Хвалится лукóмъ
Передъ гайдукомъ, —
Да нема у гайдука,
Такого лука,
Якъ у нашего Пана ......ка.
Да бувай же здоровъ, Пане ......ку!
Да не самъ собою,
Съ отцемъ съ матерью:

Со всѣмъ родомъ
Живите съ Богомъ.

Прим. Гайдуки, было въ древности названіе пѣшаго войска Королей Польскихъ, такъ какъ козаки составляли конное.

3.

Ой рано, рано, куры запѣли
Святый вечоръ!
А ще ранише Панъ ......ко вставъ,
Лучкомъ забрящавъ,
Братьевъ побужавъ:
«Да вставайте, братья, кони сѣдлайте,
Кони сѣдлайте, хорты скликайте:
Да поѣдемъ въ чистее поле, на прогулянье,
На розглядапье.
Да найдемо, братья, купу въ деревѣ,
Дѣвку въ теремѣ......
Огъ-се вамъ, братья, — купа въ деревѣ,
А минѣ, братья, — дѣвка въ теремѣ.

Прим. *Хортъ* (сл.) борзая собака или вообще охотчая.

4.

Ой ясна, красна, калина у лузѣ,
А ще краснѣйша (*)..... а у домѣ,
По двору хóдить,
Якъ заря схóдить;

(*) Имя дѣвушкѣ, которой поется Коляда.

Въ сѣночки вôйшла.
Якъ-зоря зашла.
Въ свѣтлоньку вôйшла—Паны вставаю́ть,
Шапки всниманють, еи пытаю́ть:
«Чи ты царевна, чи королевна?»
Я ......кова дочка, ...чка.»

ЩЕДРОВКА.

5.

Ой сѣвъ Христосъ вечеряти,
Добрый вечоръ, щедрый вечоръ!
Добрымъ людямъ
На здоровье!
Пришла къ нему Божа мати:
«Сѣдай мати вечеряти.»
«Да спасибо, сыну, за сю вечерину,
Отдай, сыну, райски ключи:
Отомкнути рай и пекло,
Выпустити грѣшны души;
Тôлькô одноеи не пустити,
Бо та душа согрѣшила:
Отца и матку налаяла,
Вона ихъ налаяла и не подобала.»

ПѢСНЯ КУПАЛА.

=

6.

Да стоять кони да посѣдланы,
Иваше, Ивашечку!
Посѣдланы, позануздованы
То̂лько̂ сѣсти да поѣхати,
За границу по вдовицю:
А вдовицю легко брати,
Легко брати — важко жити,
Да стоять кони да посѣдланы,
Посѣдланы, позануздованы;
То̂лько̂ сѣсти да поѣхати,
За гороньку да по дѣвоньку:
А дѣвоньку важко брати,
Важко брати — легко жити.

Прим. На Малор. весельяхъ, или сватьбахъ, невѣсту, еще не бывшую замужемъ, обыкновенно *берутъ* послѣ пародіи небольшаго сраженія, въ старину доходило оно до порядочнаго боя.

СВАДЕБНЫЯ:

═

7.

Теперъ у насъ да дѣвичъ—вечоръ,
Рано, рано, да дѣвичъ — вечоръ, — хороше изряженъ,
Да не такъ изряженъ, якъ обсаженъ:
У три стѣны каменныи, четвертая золотая,
А на тôй стѣнѣ теремъ стоитъ,
А на теремочку маковочка,
А на маковочцѣ ластовочка:
Да свела гнѣздечко съ чорного шовку,
Да вывели дѣтки — однолѣтки, —
Перво, дѣтятко молодый Ивасикъ (*)
А друге, дѣтятко молода Марусенька.

8.

Слала зоря до мѣсяця:
«Ой мѣсяцю, мôй товаришу!
Не зыходь ты, ранѣй мене,
И зôйдемо обое разомъ,
Освѣтимо небо и землю, —
Срадуется звѣрь у полѣ, гôсть у дорозѣ.
Слала Марусечка да до Ивасечка:
«Ой Ивасе! мôй суженый,

(*) Имена вставляются какія имѣютъ новобрачные.

Не сѣдай на посаду раній мене,
Обсадимо обое разомъ:
Съвеселимо два двора разомъ,
Ой первый двôръ, батька твого,
А другій двôръ, батька мого.

9.

(Поютъ передъ вечерею, или ужиномъ)
«Зеленая дубровонько, чему не шумишъ,
Приставлена капустонько, чему не кипишъ,
Осмаленый селезень, чему не летишъ?»
«Колибъ я не рубана, тобъ я шумѣла,
Колибъ-же я приставлена — тобъ я кипѣла,
Колибъ я не смаленый — тобъ я полетѣвъ:
Полетѣвъ бы я, да до Кіева,
Ой сѣвъ бы я крамомъ крамовати,
Обѣцявся-бъ всѣмъ дружснькамъ по пѐрстнику дати
А молодой Марусеньки черевички:
Бо у неи нôжки невелички.»

10.

Старша дружечко,
Подивися у окошечко:
Чи высоко сонечко на небѣ,
Чи богато бояръ на дворѣ?»
«Богато, не богато, тôлько всѣхъ,
Красчій Ивасикъ ото всѣхъ.»
«Ой вы бояре! ясныи соколоньки,
Чомъ же вы до насъ не рано пріѣхали?
Чи вы бояре коникôвъ добували,
Чи вы бояре жупанôвъ позычали?»

«Ой вы дружечки! сивыи голубочки:
У насъ коники посѣдланы стояли,
У насъ жупаны побганы лежали, —
То у Ивасечка, ласковый Панъотченько,
Забарпвъ насъ, ласковыми словами,
Наповавъ насъ, солодкими медами,
Прохавъ насъ, прозьбою и грозьбою, —
Щобъ мы привезли Марусеньку съ собою.»

11.

Плѣве утонька, безъ утинягы,
На море ночевати,
А проти еи сизый селезень,
Съ чорными косицями:
«Ой постôй, утко!
Да не пливи хутко,
Щось тобѣ за вѣсть скажу:
Бувъ я на ставку,
Чувъ я славоньку —
И про тебе, сира утонько!
Да плетуть сѣтки
Да на твои дѣтки —
И на тебе, сира утонько!»
«Да нехай же плетуть
И приплêтують:
Я-жъ того не боюся!
Я на дно порну,
И сѣти порву,
И дѣточокъ повыпускаю.»
Идуть дружечки,
У два рядочка,
А Марусечка по переду;

Проти нея молодый Ивасечко,
Съ своими боярами:
«Ой постôй, постôй, молода Марусечко!
Щось тобѣ за вѣсть скажу:
Бувъ я на мѣстѣ,
Чувъ-же я вѣсти —
И про тебе молода Марусечко!
Да купують чепци,
И кибалочки,
Да на твою головочку.»
«Да нехай купають,
Да нехай торгують:
Я-жъ того не боюся,
Я у недѣлоньку, да у вечерѣ
Я у тее, приберуся.»

12.

(Послѣ похищенія, когда невѣсту везуть въ домъ жениха).

Свѣтите зороньки пôдъ нами,
Да пляшите кониченьки пôдъ нами,
Уже наша Марусенька съ нами!

13.

Выйди, матенько, огледи,
Що тобѣ бояре привезли:
Да привезли скрыню и перину
И молодую Княгиню.

14.

(При воротахъ дома женихова раскладываютъ огонь: чрезъ него должно переѣхать невѣстѣ и ея поѣзду, или экипажамъ; въ это время поють):

Ой кони, наши вороны!
Чи чуете на силу?
Чи съвезете Княгиню,
Да на тую гôроньку крутую,
Да у тую свѣтлоньку новую,
А у тôй свѣтлоньцѣ медъ, вино, пьють:
Да вже жъ нашу Марусеньку давно ждуть.

15.

Мати Маруненьку родила,
Мѣсяцемъ обгородила,
Солнечкомъ пôдперезала:
До свекорка выпровожала.

16.

Рысью, кониченьки, рысью,
Ѣдемо съ корыстью,
Да веземо да корыстоньку:
Молодую да невѣстоньку.

17.

Да казали Марусенька не пряха,
А іи матинька не ткаха:

Ажъ вона раненько вставала.
Тонкіи рушнички напряла,
У тихого Дуная бѣлила, —
Молодыхъ бояръ дарила.

18.

Пôйду я до Дунаю,
Стану полумаю,
Да чи минѣ да воду брати,
А чи минѣ коровай брати?

19.

Засвѣти, Боже, изъ Раю,
Нашему короваю:
Щобъ було виднесенько,
Краяти дрôнесенько,

20.

Не бôйся, матинко, не бôйся,
Въ чорвонои чобитеньки обуйся:
Топчи вороги — пôдъ ноги,
А супостаты — пôдъ пяты *.

* *Прим.* Описаніе полной Малороссійской свадьбы, со всѣми ея пѣснями и обрядами, составило бы цѣлый томъ. Желательно, чтобы кто издалъ хотя краткое объ ней сочиненіе, съ помѣщеніемъ важнѣйшихъ пѣсней, обрядовъ, и указаніемъ въ которомъ именно мѣстѣ она списана. Нѣсколько таковыхъ описаній, въ разныхъ сторонахъ Южной Россіи сдѣланныя, дали бы намъ точное понятіе объ этомъ примѣчательномъ обрядѣ Русиновъ.

ЗАКЛИНАНІЯ.

Вотъ еще довольно любопытный предметъ. Подъ этимъ именемъ должно разумѣть всѣ «шептанія и замовв́ляні я» отъ различныхъ болѣзней и случаевъ. Въ Малороссіи есть для этого особенный классъ людей, извѣстныхъ подъ именемъ «знахорей и знахорокъ». Все ихъ медицинское знаніе преимущественно основано на таинственныхъ словахъ, сплевываніемъ, дуновеніемъ на больное мѣсто и вожденіемъ на воздухѣ руками — точно такъ, какъ это дѣлаютъ нынѣшніе магнетизеры; «потожая и неночатая» вода составляетъ важнѣйшую принадлежность, въ которую они обыкновенно обмакиваютъ пальцы. Отъ ихъ паціентовъ я слыхивалъ, что не рѣдко болѣзнь, которою они страдали — вдругъ миновалась, но за то она переходила на заклинателя, или знахоря, приходившаго въ такое разслабленіе, что совершенно лишался чувствъ. Это особенно бываетъ въ болѣзняхъ, извѣстныхъ подъ именемъ «пристрѣта», которой я не могу перевесть — онъ происходитъ отъ недобрыхъ глазъ или «урока». Сіи шептанія составляютъ большую тайну, знахоры увѣрены, что если ихъ разсказать другимъ, то они теряютъ свою цѣлебную силу. Только на смертномъ одрѣ знахорь открываетъ ее своему сыну или ближайшему родственнику; посвященный въ это таинство принимаетъ званіе своего учителя. Едва ли должно доказывать, что это суть остатки древняго кудесничества; что знахоры по прямой линіи нисходятъ отъ языческихъ жрецовъ; самыя шепта-

нія ихъ есть ничто другое, какъ искаженные временемъ, языческіе гимны, въ которыхъ имена миѳологическія замѣнены именами изъ Христіанской религіи; нерѣдко къ нимъ прилагаются и имена лицъ историческихъ. Въ этихъ заклинаніяхъ видѣнъ метръ, смѣшанный съ новѣйшею риѳмою, и древнія неудобопонятныя Славянскія слова – перемѣшаны съ Малороссійскимъ нарѣчіемъ. Для образца представляю одинъ примѣръ, не составляя какъ другія заповѣдной тайны, его можно было легко достать. Желательно, чтобы кто собралъ ихъ болѣе; не мѣшало бы въ этомъ случаѣ воспользоваться требникомъ Митрополита Петра Могилы, изданномъ въ Кіевѣ, въ началѣ XVII вѣка; тамъ почти на всѣ образцы этихъ заклинаній и волшебствъ находятся антизаклятія; въ его время, по преданію народному, сожигали несчастныхъ знахорей и пробивали насквозь грудь осинными клиньями всѣмъ волкулакамъ (Loup-garou), упырямъ (Vampire) и вѣдьмамъ.

ОТЪ БОЛИ ЗУБОВЪ.

Мѣсяцю, молодый Княже! (или мѣсяцю младенче)!
Чи бувавъ ты у старого?
Чи пытавъ ты его – чи болѣли у его зубы?
Щобъ у мене вѣкъ вѣкомъ
И судъ судомъ — зубы не болѣли:
Заець у полѣ, а рыба у морѣ, мѣсяць на небѣ,
(Или мѣсяць на небѣ, камень у морѣ, дубъ въ лѣсѣ)
Коли будуть три брата, и вкупѣ гуляти;
То тогда у мене будуть зубы болѣти.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

ЧЕРВОНОРУССКІЯ

ДУМЫ и ПѢСНИ.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Вотъ уже пять вѣковъ какъ Галиція или Червоная Русь чужда своему отечеству – остальной Россіи. Въ продолженіи этого періода, она, подобно всѣмъ завоеваннымъ землямъ, испытала приливъ иноземцевъ. Поляки, какъ господствующій народъ, сотнями тысячъ поселились въ нѣдрахъ ея; они успѣли уничтожить или обратить въ Католицизмъ древніе боярскіе роды, искоренить Православіе, ввесть на письмѣ свой языкъ, свои законы, и прибрать во власть свою всю недвижимую собственность Галичанъ, такъ что простой народъ не имѣетъ и сажени земли Русской въ своемъ владѣніи, – она вся Польская, панская. Червонорусcцы въ своей родинѣ какъ бы не существуютъ; живя въ Галиціи, вы никогда не услышите и даже не будете подозрѣвать, что находитесь въ Руси; въ высшихъ и среднихъ ея сословіяхъ одно только заграничное, чуждое имени Русскому; но ступите къ самому нижкому сословію Галиціи – къ поселянамъ, снискивающимъ свое существованіе въ потѣ лица на землѣ панской, – вы въ минуту перенесетесь въ Южную Россію, въ Малороссію. Червонорусcцы, не взирая на безконечное свое иноплеменное подданство, которое переносятъ съ терпѣніемъ, – сохраняютъ по сю пору привязанность къ своему происхожденію и имени и слѣдовательно и къ Россіи; Украина, Малороссія, есть для ихъ сердца обѣтованная земля, куда стремятся всѣ ихъ помыслы и думы. Съ

какою заботливостію Галичанинъ распрашиваетъ заѣзжаго изъ Россіи гостя, о судьбѣ своихъ братьевъ Украинцевъ, онъ съ радостію раздѣлитъ съ нимъ свою убогую трапезу, чтобы узнать, что новаго объ Украинскихъ Козакахъ! Кто бы повѣрилъ, что Галицкій пастухъ знаетъ гораздо болѣе думъ о герояхъ Украйны и ея исторію, нежели посѣдѣлый Малороссійскій Козакъ. Онъ гордится подвигами Малороссіянъ, какъ своими собственными. Онъ радуется ихъ счастію и успѣхамъ и тужитъ въ прекрасныхъ своихъ пѣсняхъ «о пригодѣ Козацькои». Прочитайте со вниманіемъ Галицкія пѣсни, въ нихъ – если молодой Червонорусецъ хочетъ понравиться своимъ красавицамъ – то говоритъ, что онъ Козакъ изъ Украины и Козакъ «зъ роду»; въ одной пѣснѣ, мать описываетъ своей дочери богатства Украйны и ея Козаковъ – враговъ Полякамъ, журитъ ее, чтобы она не любила «Ляховъ», а Козаковъ; въ другой, дѣвушка умираетъ за любезнымъ ея «Козаченькомъ; въ третьей, жена грозитъ своему мужу, что она оставитъ его и пойдетъ «на Украину съ дѣтьми на свободу»; въ четвертой, описываются похороны Козака и пр. и пр. Но важнѣйшія изъ пѣсень Червоноруссцовъ – это есть, безъ сомнѣнія, Малороссійскія думы; извѣстно что содержаніе ихъ есть исторія Южныхъ Русиновъ противъ угнѣтителей своихъ Поляковъ. Въ XVII вѣкѣ, во время этой ужасной борьбы, вся Южная Россія пришла въ движеніе, болѣе 200,000 воиновъ было подъ знаменами Хмельницкаго, въ короткое время народъ истребилъ Поляковъ въ обѣихъ Украинахъ и Подолѣ; въ Бѣлоруссіи и Волынѣ также началось страшное кровопролитіе, тамъ было уже Козаки принялись за «Ляховъ и Жидовъ». Галиція ждала только избавителей; вско-

рѣ перуны Хмельницкаго достигли Сборова, и жители этого Галицкаго города были явно на сторонѣ Гетьмана Малороссійскаго.... Должно замѣтить, что сія война Южной Россіи не имѣла ничего общаго съ обыкновенными нынѣшними войнами; нѣтъ, она должна была рѣшить великій вопросъ: или Южная Россія должна была, *совершенно* освободиться отъ ига Поляковъ, подобно какъ сѣверная ея сестра отъ ига Татарскаго; или же *навсегда* остаться подъ вліяніемъ и владѣніемъ Польскаго шляхетства, какъ его исключительная собственность. Если-бы такъ рано не умеръ Хмельницкій или далъ по себѣ Руси достойнаго пріемника, — тогда бы отъ Сейма до Вислы и горъ Карпатскихъ, не осталось бы не одного Поляка, они всѣ были бы изгнаны въ Польшу, точно такъ, какъ судьба ихъ постигла въ Малороссіи вмѣстѣ въ Унією и Жидами...... и Южная Россія воскресла бы послѣ четырехъ вѣковаго уничиженія — во всемъ своемъ величіи. Но предопредѣленія судебъ недовѣдомы, — все рушилось послѣ Хмельницкаго! Кому не извѣстно, что Кіевская и Подольская губерніи, составлявшія нѣкогда нераздѣльную часть Малороссіи, подпавъ во власть Польши, испытали надъ собою страшную месть Польской аристократіи, въ нихъ Малороссійскіе Козачьи полки, или среднее сословіе Руси, съ ея шляхетствомъ и даже Православіе, должны были исчезнуть.... Эти два сословія умирали въ пыткахъ или съ мечемъ въ рукахъ — Желѣзнякъ (*), Гонта, Бѣлуга, Сокорока, Бондаренко (1770 — 1775) суть послѣдніе ихъ мученики; Амфетеутичное право (1775), послѣдовавшее вскорѣ по уни-

(*) Память Желѣзняка, не смотря на возгласы «иностранцевъ» всегда будетъ священна для Малороссіянъ.

чтоженіи Запорожской сѣчи, довершило торжество Польскаго шляхетства, и паденіе этой части Малороссіи — истинной «Русской земли». Послѣ этого небольшаго вступленія, читатели вѣроятно не удивятся, найдя почти во всѣхъ Галицкихъ думахъ и «парубочихъ пѣсняхъ» всегдашнее обращеніе къ милой для нихъ Украйнѣ и Украинскимъ Козакамъ; и какъ не уважать до восторга Малороссіянъ, когда они осмѣлились вооружиться противъ Поляковъ — сихъ вѣчныхъ угнетителей и арендаторей Галичанъ? Вотъ почему Червонорусцы усвоили себѣ думы Малороссіянъ, между тѣмъ какъ послѣдніе, счастливые ихъ собратія, давно ихъ позабыли. Голоса древнихъ думъ Малороссіи проницаютъ душу какимъ-то неизъяснимо томнымъ впечатлѣніемъ, онѣ соединяютъ въ себѣ и тоску по родинѣ и неукротимую месть Славянина, когда его несчастія прешли мѣру человѣческаго терпѣнія. Сіи шестистопныя и даже восьмистопныя пѣсни исходятъ изъ широкой груди Русина такъ гибко, такъ мелодически, какъ будто самые нѣжные романсы Жуковскаго или Пушкина; въ нихъ различаемъ и тихій плачь матери и сестры о своемъ сынѣ и братѣ, и раскаты грома изъ пушекъ и самопаловъ, и вопль сражающихся, гдѣ «Ляцькая кровь» течетъ рѣками. Къ сожалѣнію ни одна изъ нашихъ думъ не переложена на ноты. Галичане и понынѣ не забываютъ голосовъ этихъ волшебныхъ эпопей, и понынѣ онѣ приводятъ въ сотрясеніе ихъ души! Справедливо Малороссійскіе бандуристы говорятъ, что слава не умретъ и не поляжетъ......

Я думаю пріятно будетъ узнать моимъ читателямъ, что въ Лембергѣ (во Львовѣ) и въ Перемышлѣ нѣсколько добрыхъ Уніатскихъ патеровъ, которые еще

не стыдятся носить имя Русское, вздумали воскресить въ Галиціи народное слово, и, въ послѣднее время, благодаря покровительству Австрійскаго правительства, показались нѣсколько сочиненій на Малороссійскомъ нарѣчіи; — но къ сожалѣнію должно замѣтить, что основаніемъ ему взятъ Польскій языкъ и Перемышльское нарѣчіе, болѣе всѣхъ прочихъ пострадавшее отъ Полонизмовъ; къ чему бы Гг. сочинителямъ не спуститься «къ простой рѣчи» восточнаго Червонорусскаго діалекта, въ которомъ еще сохраняется чистота Кіево-Русскаго нарѣчія? Безъ сомнѣнія другія важнѣйшія причины препятствуютъ Патерамъ изъясняться съ своими прихожанами природнымъ и прекраснымъ языкомъ своихъ праотцевъ. Мы уже выше замѣтили отношеніе Червонорусцевъ къ своей собственной родинѣ, — они во всякомъ случаѣ должны покоряться направленію, какое даютъ имъ ихъ повелители.

Червоной Руси въ Галиціи простирается за три милліона, многіе изъ нихъ исповѣдуютъ Римско-Католическую вѣру, другіе Унію; нравы и обычаи ихъ ни сколько не разнятся отъ Малороссіянъ; нарѣчіе ихъ есть также Малороссійское. И потому, при чтеніи Галицкихъ пѣсень, въ выговорѣ должно соблюдать тѣ же правила, какія я уже изъяснилъ при Малороссійскихъ пѣсняхъ.

Всѣ Галицкія пѣсни я заимствовалъ изъ собранія, вышедшаго въ Лембергѣ, въ 1833 году, подъ заглавіемъ: Piesni Polskie i Ruskie ludu Galicyiskiego. Изд. Г. Вацлавомъ. Вотъ образчикъ его правописанія Галицiйскихъ пѣсень:

Oj znaty, znaty, kto koho lubyt,
Bliżko sidaje i prihołubit.

Hrymnuła szczuka rybońka na mori,
Prypływo zoloto i serebro do berehu.

Ne chody Hryciu na weczernyciu,
Bo weczernyci wsi czariwnyci.

═

Я пишу:

Ой знати, знати, кто кого любить,
Близко сѣдае и приголубить.

Грôмнула щука рыбонька на морѣ,
Приплило золото и серебро до берегу.

Не ходи, Грицю, на вечерницю,
Бо въ вечерницѣ всѣ чарôвници.

Недавно во Львовѣ вышло новое собраніе Червонорусскихъ пѣсней, въ которомъ весьма много Малороссійскихъ думъ; я однакожъ не могъ его достать.

НЕЧАЙ.

═

1.

Въ чистымъ полѣ, при тихимъ Дунаю,
Крикнувъ Козакъ на Нечая: «втêкаймо Нечаю!»
«Якъ я маю Козакъ Нечай съводси утêкати,
Славу свою Козацькую марне потеряти......»
«А я тебе, мôй Нечаю, не убезпечаю,
Держи собѣ коничєнька для свого звычаю;
А я тебе, мôй Нечаю, не убезпечаю,
Держи собѣ шабелочку та пôдъ опончѐю;
Коли тебе *Ляхи* будуть, Нечаю, рубати,
Щобъ-бысь ся мавъ, мôй Нечаю, чêмъ обороняти.»
Ой алежбо Козакъ Нечай на тое не дбае,
Тай съ кумою и съ любою медъ, вино кружае:
Бо поставивъ Козакъ Нечай три сторожи въ мѣстѣ,
А самъ пошôвъ до кумоньки щуки рибы ѣсти.
Поглянеся въ кватыроньку ровно *Ляхôвъ* въ мѣстѣ.
Ой съпогляне Козакъ Нечай за тихôи воды,
Иде *Ляхôвъ* сорокъ тысячъ хорошои вроды:
«А я Козакъ молоденькій *Ляхôвъ* не боюся,
Маюжъ-бо я козаченькôвъ, да оборонюся!»
Ой якъ крикне Козакъ Нечай на хлопца малого:
Кульбачь хлопче, кульбачь малый, коня вороного,
Минѣ вороного, собѣ буланого,
Геть, вырѣжемъ вражихъ *Ляхôвъ*, геть що до едного,

Не встигнувъ Козакъ Нечай на коника всѣсти,
Огляне-ся назадъ себе а вже Ляхи въ мѣстѣ;
Ой якъ стисне Козакъ Нечай коня острогами:
За нимъ Ляхо̂въ сорокъ тысячъ съ голыми шаблями;
Ой якъ во̂зьме Козакъ Нечай во̂тъ башты до башты
Вражихъ Ляко̂въ, якъ бы снопы, по три ряды класти,
Ой оберне Нечай коня на лѣво̂е плечѐ,
За нимъ, за нимъ крвавая, быстра рѣчка течѐ;
Ой оберне Нечай коня на правую руку,
Не выскочивъ Нечаѐвъ ко̂нь изъ Ляцького трупу;
Ударивъ ся Козакъ Нечай по полахъ руками,
Куда гляне, туда гряне, тече кровь рѣками;
Ударився Козакъ Нечай по полахъ рукою:
Ой прійдеся розлучити съ дѣтьми и женою......
Ой поткнувся Нечаѐвъ ко̂нь на малу тычину,
По̂йнявъ его Панъ Потоцькій съ коня за чуприну:
Ой чи то̂й-то хме́лъ, що по деревѣ вьеться,
Ой чи той-то Козакъ Нечай, що съ Ляхами бьется?
Ой той-то самой хмѐль, що по деревѣ вьется,
Ой той-то самъ Козакъ Нечай, що съ Ляхами бьется.....
А де-жъ твои, Нечаенку, скарбовыи кони?
«Ой въ мѣстечку Берѐстечку стоять на выгонѣ.
А де-жъ твои, Нечаенку, скарбовыи возы?
«Ой въ мѣстечку Берѐстечку стоять на залозѣ»;
А де-жъ твои, Нечаенку, дѣтоньки тай жена?
Въ самимъ мѣстѣ Берѐстечкѣ седять собѣ дома.
Да который козаченько буде зъ васъ у мѣстѣ,
Поклониться моей женѣ, нещастной невѣстѣ.
За часъ, за годину, за малу хвылиньку,
Качается Нечаева голова по рынку;
Ой не дбали вражи Ляхи на козацьку вроду
Рвали тѣло по кавалку, пускали на воду.

РОМАНЪ.

═

2.

На зеленымъ цариночку
Пили Турки горѣлочку,
Пили, пили, пôдпивали,
А Романа пôдмавляли:
«Ой Романе, Романочку!
Продай сестру Олевочку:
За коники вороныи,
И за сѣдла серебныи.
За уздела шовковыи,
И за станли золотыи;
За талеры незмѣренны».
Прійшовъ Романъ до домочку,
Склонивъ на стôлъ головочку, —
Дай гадае си думочку,
Чи продати Олсночку....:.
«Ой Олено, сестро моя!
Помой дворы мостовыя,
Застель столы кêдровыи,
Помôй миски серебныи
И лôжочки золотыи».
Вышла онà на поддвôрье
И дивиться въ чисте поле:
«Ой Романе, Романочку!

Що то въ полѣ за дымове,
Чи то вôрлы крыльями ся бьять,
Чи овчари зъ турмы гонять?......
«Ой Олено, сестро моя!
Ни то вôрлы крыльми ся бьять,
Ни овчари зъ турмы гонять:
Лешъ то Турки и Татары,
А вси твои суть бояры.»
До свѣтлицѣ хутко впала:
Мечъ вхопила шую сътяла......
«Ой Олено, сестро моя!
На що ты ся уродила,
На що собѣ шую сътяла?»
«Лучше тутка погибати,
Нёжъ съ Татармы пробувати!»

КОЗУБАЙ.

3.

Выберався Козубай на вôйну съ Ляхами,
Взявъ съ собою самопалъ и лукъ со стрѣлами,
Взявъ съ собою вороного, коня свого вôйскового,
Шаблю и съ похвою, флашку съ горѣвкою.
Ажъ прiѣхавъ пôдъ Бѣлую-церковь на самую стражу,
Горѣвки имъ не стало, кепско сердце устало,
Думають съ собою, якъ пôйдуть до бою.

Прійшовъ къ нему Федько́ и Иванъ стрыечный,
Напився горѣвки Козубай безпечный:
«Стôйте, братія молоды, не бôйтеся страхôвъ,
Я самъ влѣзу на вербу, на проклятыхъ Ляхôвъ,
На вербѣ ушикую и самопалъ выриштую,
Будемъ Ляхôвъ брати, за руки вязати.»
Прійшовъ къ нему Федько́ Цюра́, дай го бье,
А вжежъ мôй Козубай не жье;
Заплакавши Федько собѣ:
«Свини було пасти тобѣ
А не воевати,
Жалю додавати.»

Прим. Кепско — глупо (Пол.); *ушикать* — расположиться; *вырештовать* — пристроить, вымѣрить. Кажется, послѣдніе стихи этой пародіи, суть новѣйшаго сочиненія.

ДОРОШЪ.

4.

Ой по-пôдъ гаемъ зелененькимъ,
Хо́дить Дорошъ молоденькій,
Тай на нôжку налегае,
Топôрцемъ ся пôдпирае,
Тай на хлопци въ поклыкае:
«Ой вы хлопци, вы молодци!
Поѣдемо вси вразъ въ гости,
Уставайте вси раненько,

Уберайтеся борзенько:
У постылы скôряныи,
И волоки шовковыи, (*)
Бо поѣдемо на вечêрки
До Стефановои жêнки.»
«Ой Дорошу, ты пане нашъ,
Тамъ пригода буде на насъ.»
«Но, на мене уважайте
По двѣ кули набивайте......
Станьте хлопци пôдъ ворота,
А я пôду пôдъ вôконце,
Чи спишь мое любе сердце:
«Чи спишъ, сердце, то чи чуешъ,
Чи Дороша заночуешъ?......
Чи спишъ, сердце, та чи чуешъ,
Ой чи сама ты ночуешъ? .....»
«Ой я не спю, та все чую,
Розбôйника не сѣночую.
Ой я не спю, но все чую, —
Бо вечéреньку готую;
Лешъ нема Стефана въ дома,
Ще вечеря не готова, —
Буде она дуже пыльна,
И всимъ людямъ буде дивна......»
«Чи ся кажешъ добувати
Чи будешъ сама отвыряти?»
«Не кажуся дубовати,
И не пôду отвыряти......»
«Пусти, суко, вразъ до хаты,
Щобъ двери не вываляти!»
«Въ мене двери тисовыи
Въ мене замки сталёвыи......»

(*) См. Малор. думу № 10 и примѣчаніе къ ней.

«Не поможуть замки твои,
Якъ пôдложу плечи свои.»
Взявся Дорошъ добувати,
Взяли замки вôтлётати;
Скоро Дорошъ двери вхиливъ,
Заразъ Стефанъ въ сердце стрѣливъ......
Йще вставъ Дорошъ, выйшовъ изъ хаты:
«Треба хлопци утêкати,
Приближиться ближе къ менѣ,
Ой якъ-же тяженько менѣ,
Возьмить мене на топоры,
Занесить мя въ сини горы,
Въ сини горы занесить мя,
Най ся Ляхи не сьбѣдкують,
Мое тѣло не чвертують.
«Ой Дорошу, ты пане нашъ,
Велика пригода на насъ;
Де-жъ мы будемъ зимовати
Тото лѣто лѣтовати?
Пôшли бы мы въ Угорщину,
Въ далекую Украину,
Но и тамъ мы зле сробили,
И тамъ мы си прешкодили:
Бо хотѣли Царя вбити,
А Царицю съ бою взяти......»
«Ой будемо зимовати,
Тото лѣто лѣтовати,
Въ Станиславѣ на рыночку,
Въ Кайдáночкахъ въ зелѣзочку.»
Впали Ляхи ихъ забрали,
Руки назадъ повязали,
Руки назадъ повязали,
До конêй поприпынали.
Ой Дорошу, пане нашъ,

Велика пригода на насъ,
Де-жъ мы будемъ зимовати.
Тото-лѣто лѣтовати?»
«Ой въ Станиславѣ на рыночку,
Въ тяжкихъ дыбахъ; въ зелѣзочку,
Тамъ будете ночевати,
Тамъ будете дни днёвати,
Тамъ будете ночевати, —
Будуть птицы тѣло рвати.»

ПѢСНИ.

1.

Чому куры не поёте,
Чому люде не чуете!
Турки село сърабовали,
Громадами людей гнали.
....
Припалася зятю (*) теща;
Вôнъ самъ ѣде на конинѣ,
Тещу веде по тернинѣ,
Кровцёю слѣды заливае.
Чорный воронъ залѣтае,

(*) Т. е. досталась Турку, какъ увидимъ ниже, она была его теща. Пѣсня эта имѣетъ чрезвычайно большое сходство съ подобною же Русскою.

Тоту кровцю испивае.
....
«Слухай (*), пани Турчинова,
Прививемъ ти невôльницю,
Ажъ изъ Польщи робôтницю:
Завдаймо ій три роботѣ:
Оченьками стадо пасти,
А руками кужель прясти,
А ногами колисати (**).»
Она дѣтя колисала
И дитинѣ приспѣвала:
«Люлю, люлю, Татарчатко!
А по дочцѣ та внучатко!......»
Въ томъ Туркеня съ кресла встала
Старой бабы ся пытала:
«Почомъ ты мене пôзнала?......»
«Якъ тя баба въ купель клала,
На груди ти искра впала,
Потому-мъ тебѣ пôзнала.»
«Мати моя, мила мати!
Скидай съ себе тыи латы,
Возьми дорогіи шаты,
Будешъ съ нами пановати!»
«Лѣпше мои вбоги латы,
Нêжъ дороги твои шаты.»

(*) Говоритъ Турокъ своей женѣ.
(**) Качать ребенка.

2.

Дубъ на дуба похилився:
Коникъ на Козака засмутився:
«Ой коню мôй, коню смутный, невеселый,
Чомъ ты до мене, коню, не говоришъ?
Чи ти докучило сѣдло моé,
Чи ти докучила зброя моя,
Чи я ти докучивъ Козакъ молоденькій?
«Ни мя докучило сѣдло твоé,
Ни мя докучила зброя твоя,
Ни ты мя докучивъ Козакъ молоденькій;
Но ми докучила корчма твоя:
Ой куда ѣдешъ кормы не минаешъ,
А куда ходишъ — ѣжъ, пьешъ, гуляешъ,
А о менѣ воронъ коня твого тай недбаешъ,
А до горы ѣдешъ — пôдтынаешъ,
А якъ съ горы ѣдешъ — не стримаешъ,
Черезъ луги ѣдешъ — непопасаешъ,
Черезъ Дунай пливешъ — не наповаешъ.

Прим. Стрямати (Нѣм. trennen, отдѣлять) трогать, удерживать, см. собран. этихъ пѣсней N° 7 — въ Малор. отдѣленіи.

3.

Óй за горою за высокою,
Тамъ сидить голубъ и съ голубкою,
Ой сидять они тай цѣлуются,
Сивыми крильцями обôймаются;
Надлетѣвъ орелъ съ чорнои хмары:
Розбивъ, розôгнавъ голубы изъ пары;
Забивъ голуба тамъ на рôвнинѣ,

Розливъ кровь его по всей долинѣ;
Голубка сидить жалôбно гуде,
Що вже съ голубомъ жити не буде.
«Сива голубко, въ щожъ ты дуфаешъ,
«Чи не на вроду, що красну маешъ?»
«Щожъ ми по уроду, по молодости,
Коли не маю ни съ кѣмъ милости.»
«Ой маешъ бо ты сêмъ паръ голубôвъ,
Выберай собѣ, который ти любый.»
«Ой най-же буде двадцять и чтири,
Нема такого, якъ мôй бувъ милый!»

Прим. Дуфати (Нѣм. dulten) тосковать.

4.

«Ой Романе, Романоньку,
Пусти мене до домоньку,
Моя мати не родная,
А я дѣвчина бѣдная,
Буде бити, волочити,
Нима кому боронити.»
Отъ знай, дѣвчя, якъ сказати,
Якъ ся трафитъ постояти:
Мене гуси попредили,
Воду мени сколотили,
Я-годинку постояла,
Нимъ ся вода устояла.

Прим. трафити (Нѣм.) случиться. См. Малор. пѣсн. N° 11.

5.

Ой у полѣ нивка,
Сама материнка,
Тамъ дѣвчина жито жала,
Сама чорнобрôвка.
Ѣхавъ Козакъ дорогою;
«Помагай-Бôгъ, женче!»
Она ему вôтповѣла:
«Бодай здоровъ сердце.»
А вже тая слава
По всимъ свѣта стала,
Шо дѣвчина Козаченька
Серденькомъ назвала.

6.

Гей ѣхавъ Козакъ зъ Украины, зъ Украины,
Надыбавъ дѣвчину край долины, край долины,
Край долины, край дороги,
Бѣлы руки, бѣлы ноги,
Край долины, край дороги, край дороги,
«Ахъ ты дѣвчино, розлуко моя, розлуко моя,
Да повѣдь-же менѣ, якъ тобѣ имя, якъ тобѣ имя?»
«Богъ мя создавъ дѣвчиною,
Пôпъ мя назвавъ Кулиною,
Дѣвчиною, Кулиною, Кулиною,
Ахъ ты Козаче, ахъ ты пане мôй, ты пане мôй,
Да повѣдь-же менѣ, якій буде поѣздъ твôй, да поѣздъ твôй?»
Не журися, ты дѣвчино,
Ты Кулино, ты небого,

Есть тамъ въ полѣ кони много,
Якъ злопаемъ — то поѣдемъ,
Не злопаемъ — пѣшки пôйдемъ.
Тра рарай,
Руки дай,
Ты Кулино, ты небого, ты небого!»
«Ахъ ты Козаче, ахъ ты пане мôй, ты пане мôй,
Да повѣдь-же менѣ, якій буде обѣдъ твôй, да обѣдъ твôй?»
«Не журися ты дѣвчино,
Ты Кулино, ты небого,
Есть тамъ въ полѣ саламаха,
Козацькая завертаха,
Тра рарай,
Руки дай,
Ты Кулино, ты небого, ты небого.»
«Ахъ ты Козаче, ахъ ты пане мôй, ты пане мôй,
Да повѣдь-же менѣ, якій буде посагъ твôй, да посагъ твôй?»
«Не журися ты дѣвчино,
Ты Кулино, ты небого,
Посаджу тя за пôдъ-рамы,
Обдарю тя тороками,
Тра рарай,
Руку дай,
Ты Кулино, ты небого, ты небого.»
«Ахъ ты Козаче, ахъ ты пане мôй, ты пане мôй,
Да повѣдь-же менѣ, якій буде нôчлѣгъ твôй, да нôчлѣгъ твôй?»
Не журися ты дѣвчино,
Ты Кулино, ты небого,
Есть тамъ въ полѣ травы много,
Постелимъ си пôдъ собою,
Тра рарай,
Руку дай,
Ты Кулино, ты небого, ты небого.»

7.

Гей летѣла зазуленька по Украинѣ,
Гей ронила сивы перья по долинѣ;
Ой якъ тяжко сивымъ пêрьямъ по долинѣ,
Еще тяжче сиротоньцѣ на чужинѣ.
Хо́дить голубъ надъ водою гукаючи,
Своей милой голубеньки шукаючи:
«Та чи спишъ ты, сердце мое́, та чи чуешъ,
Чомъ до мене, сердце мое́, не говоришъ?»
«Якъ я маю, сердце мое́, говорити:
Лежить нелюбъ на ручонцѣ, буде бити.»
«Ой вôтсунься, сердце мое́, вôтъ нелюба, —
Застрѣлю нелюба зъ лука — якъ голуба.»
«Ой чи забьешъ, сердце мое, чи не забьешъ,
За все ты сердцю мому жа́лю додаешъ.»
«Покинь отца, покинь маму и всю родину,
Иди съ нами Козаками на Украину:
На Украинѣ суха рыба и съ шафраномъ,
Будешъ жити за Козакомъ якъ за паномъ;
А на Польщѣ суха рыба и съ водою,
Будешъ жити съ вражимъ Ляхомъ якъ съ бѣдою.»

8.

Да теперъ нôчка
Та темная,
Та дороженька
Та далекая.
Ой припну коня
Коло калиночки,

А самъ ляжу спати
 На край могилочки......
Де тамъ дѣвчина
 Молода ся взяла,
Ударила Козака
 Тай такъ промовляла:
«Ой встань, Козаче,
 Ой встань, годѣ спати!
Наступае горда,
 Хоче коня взяти.
Та коня возьмуть,
 Та кôнь другій буде;
Тебе порубають......
 На свѣтѣ небуде!»

9.

Хорый Козакъ, хорый Козакъ, видай хоче вмерти:
«Ой идите приведите дѣвчину до смерти......»
«Ой видай ты, козаченьку, не въ правдѣ вмираешъ,
Шо ты собѣ передъ смертью дѣвчину жедаешъ!»
Умеръ Козакъ, умеръ Козакъ и *Козацька мова*,
А лешився кôнь вороный и ясная зброя.
Ой сôшлися Козаченьки до едной хаты,
Ой сôшлися Козаченьки, кому коня дати.
Сотникови коня дати, Гетьманови зброю,
Шобъ позволивъ поховати Козака съ стрѣльбою.
Тѣло везуть, коня ведуть, кôнь головоньку клонить,
А дѣвчина за Козакомъ бѣлы ручки ломить,
Ломить ручки, ломить ручки и мизельны пальци:
«Ахъ вже-жъ нема и не буде такого коханья!
Чомусь мене моя мати, рано несбудила,

Коли его компанія съ мѣста выходила?
«Для того́ тя, моя доню, рано не сбудила,
Любила-сь ихъ компанчика, шо-бысь не тужила.
Подивися, моя доню, въ вышнюю кватыру,
Спускаються козаченьки съ горы на долину......»

Прим. Мова — разговоръ, рѣчь, *компанія* (Фр.) рота.

10.

Сѣдить Козакъ на могилѣ, тай думку думае,
На Украину поглядае, тяженько вздыха̀е:
А ни вѣтеръ ни віе, ни солнце не грѣе,
Ено краёмъ край Дунаю трава зеленѣе.
Высока могила съ вѣтромъ говорила:
«Не вѣй вѣтре буйнесенькій — щобъ-мъ не чорнѣла!»
«Бодай тая рѣчка шуваромъ заросла́
Що мене молодого съ чужій край занесла́;
Бодай тота рѣчка рыбокъ не сърodила,
Що мене́ молодого съ милою розлучила.»
Тамъ на горѣ рѣченька, на рѣченьцѣ кладка,
«Не покидай, мо̂й миленькій, старенького батька:
Якъ батька покинешъ, марненько загинешъ,
Быстронькою рѣченькою на Дунай поплинешъ,
И весельце съгубишъ, будешъ потопати,
Я у втодѣ не съмогу бѣлу ручку дати!»

11.

Ей ишовъ я дорогою,
　　　　А мо̂й голосъ та дубровою,
Перекажу до родины
　　　　Чорненькою та вороною.

Ни родины зъ Украины,
Ни чорнонькій да ворононькій;
Ей вже менѣ та докучила
Да чужая сторононька.
Ей ту въ чужій сторононьцѣ
Назвали мя заволокою,
Кажуть менѣ рѣку плисти,
Широкою да глубокою.
Якъ-же юю перебути,
Якъ ю переплинути?
Проси Бога, дѣвчинонько,
Шо-бы въ водѣ не загинути.

12.

Гей хороша молодичка моргала на мене,
«Покинь, покинь молотити, та ходи до мене!»
«Ой не пôйду, бо ся бою, маешъ чоловѣка,
Якъ мя съловить, буде бити събавить менѣ вѣка.»
«Прійди, прійди, гожій хлопче, хочяй на годину,
Я старого бородача пôшлю по калину....
Пôди старый бородатый калину ломати,
Бо я такій кашель маю, що трохи несгину.»
Пôшовъ старый бородатый калину ломати,
Ой привела молодого зе сѣнêй до хаты;
Сѣвъ вôнъ собѣ въ конець стола́, курку оберае,
Хорошую молодичку къ собѣ пригортае.
«Выйди, доню, на улицю, тата вызырати,
А якъ буде вже близенько, давай менѣ знати.»
Выйшла доня на улицю, въ бѣлы ручки плеще:
«Гуляй, гуляй, моя мамо, не йде тато еще.»
Погляну ся въ кватыроньку вже старого видко:
«Увивайся, гожій хлопче, коло курки швидко!»

Поглянуся въ кватыроньку, старый же близенько:
«Ахъ де-жъ я тебе подѣну, ты мое серденько?
Сховаю тя, мôй миленькій, пôдъ бѣлу перину
Сама лягну на постелѣ, тай скажу шо гину......»
Прійшовъ старый бородатый съ калиною до хаты,
Якъ стояла, такъ упала, зайняла стогнати:
«Ой йди старый бородатый, купи менѣ меду,
Бо щось менѣ тяжко, нудно, головки не съведу.»
Пôшовъ старый бородатый меду куповати:
Гей, вывела молодого до сѣнêй изъ хаты.
«А я хлопець суховатый въ свого батька вдався!
Низомъ, низомъ, по пôдъ плóты, въ конопли сховався!»

13.

Ой стукнуло въ буйномъ лѣсѣ,
Комарь съ дуба повалився,
И стовкъ собѣ головище,
О дубову коренище.
Вылетѣла муха съ хаты
Комаронька ратовати:
«Ой комарю, господарю,
Жаль ми тебе не помилу!
Де ся скажешъ поховати
Кости твои шановати?»
«Поховайте-жъ мене въ лѣсѣ,
Въ буйномъ лѣсѣ, при горосѣ;
Посѣйте на мнѣ руточку,
Съ зеленого барвиночку;
Кто ту руту буде рвати,
Буде мене споминати:
«Ой тутъ лежить комарище

Той великій гултяище,
Не едному гравъ на носѣ,
Теперь тѣло его въ просѣ,»
Ой ду, ду, ду, ду, ду, ду, ду,
Комаренька не забуду:
Ой тутъ лежить его тѣло
Що вчера съ дуба сълетѣло.

14.

Ой дѣвчино красна,
Де ты волы пасла?
По̂дъ дубками,
Съ паробками,
Де травиця красна.

15.

Во̂тхилю я нову кватырочку,
Подивлюся въ мѣстѣ по рыночку,
Тамъ мо̂й милый по рыночку хо̂дить,
Кониченька за поводы водить;
Въ Гетьмана ся во̂тправоньки просить:
«Пусти мене, мой пане, до дому,
Бо тамъ тужить дѣвчина за мною!»
«Ой не такъ она, та якъ-же ты тужишъ,
Не пущу тя, ажъ року дослужишъ,
Кажу тебе въ кайданы ковати.»
«Не куй мене, мо̂й пане, въ кайданы,
Окуй мене до вдовій до хаты,
Бо въ вдовы медъ, горѣвка въ хатѣ,
Буду вдовинъ мѐдъ, горѣвку пити,
Ще до того дѣвчину любити.»

16.

«Ой дай же Боже недѣлоньки дождати,
Ой пошлюжъ-бо я до дѣвчиноньки въ сваты;
Ой дѣвчинонька сътыхонька промавляе,
Мене молодого якъ по серденьку крае;
Ой чи не будешъ дѣвчинонька тужити,
Якъ я поѣду на Украину служити?»
«Ой не буду Козаченько не буду,
Ено ты за ворота, я тебе забуду.»
Ено взявъ Козакъ за браму выѣжджати,
Взяла дѣвчина бѣлы ручки ломати;
Ой взявъ Козакъ на гору выѣжджати,
Взяли дѣвчину на вѣтеръ подôймати;
Ой ставъ Козакъ дай съ горы ся спускати,
Взяли дѣвчину водою вôтливати;
Ой взявъ Козакъ дай черезъ Дунай плисти,
Пôшли за Козакомъ дай частенькіи листы:
«Ой вернися Козаченьку до дому,
Вправадивъ ты дѣвчиноньку до гробу!
Ой въ него дорога, а въ мене другая,
Ой головочко-жъ моя, головочко несчастная!
Ой я гадала, що не буду тужити,
Прійде ще съ туги головою наложити.»

17.

«Ой де ймемо спати, дѣвчино моя?»
«Ой пôдъ сосною, пôдъ зеленою,
Мôй нелюбе съ тобою.
«А що мы собѣ постелемо, дѣвчино моя?»
Ой постелеться намъ трава-мурава,
Мôй нелюбе съ тобою.

«А що насъ окрые, дѣвчино моя?»
Окрые насъ нôчка темненька,
Мôй нелюбе съ тобою.
«Що насъ пробудить, дѣвчоно моя?»
Ой пробудить насъ пташка дрôбненька
Мôй нелюбе съ тобою.
«Чêмъ-же мы ся вмыемо, дѣвчино моя?»
Ой вмыешся ты росою, я слезою
Мôй нелюбе съ тобою.
«Що-жъ мы ймемо посьнѣдковати, дѣвчино моя?»
Ой ты ягодоньки, а я слезеньки,
Мôй нелюбе съ тобою.
«Де-жъ мы ся розойдемо, дѣвчино моя?»
Ой ты до бѣса, а я до лѣса,
Мôй нелюбе съ тобою.

18.

Бувай здоровъ, *Ляцькій* краю,
Вже-жъ я тебе покидаю;
Пôду я на Волощину,
И тамъ я не загину;
Въ Волощинѣ добры люде
И тамъ менѣ гараздъ буде,
И тамъ люде не Татары,
Заразъ менѣ раду дали.
Туманъ, туманъ по ланинѣ,
Широкій листъ на калинѣ,
А ще ширшій на яворѣ, —
Де-сь ми мила на размовѣ;
Знати о мене не дбае,
Но съ иншыми розмовляе.

Сôйди хмаро съ Полонины,
Прійди мила изъ чужины;
Въ Полонинѣ огонь горить,
Мою милу душа болить;
Не такъ милу да якъ мене,
Шо не сидить коло мене.
Доливъ сердце, доливъ,
Събавила-жъ мя мила волôвъ.
«Ще тя сбавлю, милый, коровъ,
Тогдѣ бувай любко, сдоровъ.»
«Ой ты мила, не журися,
Я ще молодъ, не женюся;
Якъ я буду женитися,
Прошу мила дивитися,
Скажи тебе запросити,
Въ конець стола посадити,
И горѣвки накурити,
Тебе мила зпросити.»
«Твое пиво менѣ, диво,
А горѣвка твоя гôрька:
Твои братья говорили,
Щобъ мы ся не сходили;
Твои сестры розрадили,
Шо-бы мы ся не любили,
Твоя мати чаровниця
Великая розлучниця:
Розлучила камень съ водою,
Розлучила мене съ тобою.»

19.

На широкôмъ Дунаю,
Недалеко вôтъ краю,

Ахъ тамъ молодъ Козакъ потопае:
Просить вôнъ рятунку:
«Рятуй мене батеньку,
Бо я молодъ Козакъ потопаю!»
А батенько до човна,
А ни човно, ни веслá:
«Ой загинешъ мôй сыноньку, загинешъ.»
На широкôмъ Дунаю,
Недалеко вôтъ краю,
Ахъ тамъ молодъ Козакъ потопае:
Просить вôнъ рятунку:
«Рятуй мене матенько,
Бо я молодъ Козакъ потопаю!
А матенька до човна,
А ни човна, ни веслá:
«Ой загинешъ мôй сыноньку, загинешъ.»
На широкôмъ Дунаю,
Недалеко вôтъ краю,
Ахъ тамъ молодъ Козакъ потопае:
Просить вôнъ рятунку:
«Рятуй мене братеньку,
Бо я молодъ Козакъ потопаю!»
А братенько до човна,
А ни човна, ни веслá:
«Ой загинешъ мôй братеньку, загинешъ.»
На широкôмъ Дунаю,
Недалеко вôтъ краю,
Ахъ тамъ молодъ Козакъ потопае:
Просить вôнъ рятунку:
«Рятуй мене сестренько,
Бо я молодъ Козакъ потопаю!»
А сестронька до човна,
А ни човна, ни веслá:
«Ой загинешъ мôй братеньку, загинешь.»

На широкôмъ Дунаю,
Недалеко вôтъ краю,
Ахъ тамъ молодъ Козакъ потопае:
Проситъ вôнъ рятунку:
«Рятуй мене миленька,
Бо я молодъ Козакъ потопаю!
А миленька до човна;
Вже е човно и весло́:
«Ой не сгинешъ мôй миленькій, не сгинешъ.»

20.

«На Украйнѣ всего много, и пашы и браги,
Леще що тамъ Ляхи стоять, Козацькіи враги;
На Украинѣ всего много, меду и горѣвки,
Дѣвки красны, молодици, а вси чорнобрôвки;
На Украинѣ молодици, що въ червонѣхъ ходять,
Полотняныхъ не видають, бо ихъ сами робять.
Ты дѣвчино, що ты робишъ, сорому не маешъ,
Чомъ Козакôвъ, а не Ляхôвъ, вѣрне не кохаешъ?»
«А що-жъ тое лихо робить, старенькая мати, —
Гнала мене́ вôтъ Ляшонька до самой хаты!
А у Ляха вершокъ низкій, широки опушки,
Скоро Ляха зибачила, приставъ ми до душки.»

21.

«Помогай-Бôгъ вамъ,
Чи ради вы намъ?
Ой чи рады, чи не рады,
Помогай-Бôгъ вамъ!....»

«Бодай здоровъ свату!
Замкни жѐнко хату,
Подай держакъ отъ лопаты,
Свата привѣтати...»
Жѐнка поспѣшае,
Хату замыкае,
А порвавши за копубу, —
Сватонька вѣтае.
«А сватъ за чуприну,
Вѣтай вражій сыну!«
«Пусти свату не жартуй,
— Бо ти въ рукахъ сгину.
Не жартуй же свату:
Бо сломишъ лопату:
Воли-жъ горѣлоньки дати,
Свата превѣтати....»
Сватъ того не чуе,
Охочо трахтуе:
То кулакомъ по губахъ,
То держакомъ по зубахъ.
«Шо тобѣ ся стало,
Чи тебе напала?...
А я твоѐй жѐнки сватъ,
А наймита твого братъ.»
«Най тя чортъ не носить,
Де тя кто не просить;
Де тя просять — не вчащай,
Де не просять — не бувай!»

22.

На дорозѣ калюжа,
Я робити недужа,

Коби скрыпки, цымбалы,
Тоби ножки скакали.
Ой сѣвъ зажурився,
Шо съ малою оженився;
«Не журися, мôй Андрêю,
Пôдросту я за недѣлю.

23.

Румянъ поле покрывае,
Де Козакъ ся проѣзжае,
Ой выѣхавъ край могилы,
Край могилы Верховины:
«Ты могило, Верховино,
Чомусь рано не горѣла?»
«Ой я рано не горѣла,
Бо-мъ кровцёю обкипѣла.
«Ой якою?» — «Козацькою,
Половину и съ Ляцькою.»
Ой йдуть Ляхи на три шляхи,
А Козаки на четыри,
А Татаре поле вкрыли;
За Татарми возы идуть,
За возами кôнь Турецькій,
На тымъ конѣ сынъ Козацькій,
Правою рукою шаблю хапле,
А съ той шабли кровця капле.
Иде мати, ревно плаче,
Своимъ житьемъ проклинае,
Свого сына не пôзнае.
Седить воронъ надъ скалою,
Похитуе головою:

«Ой я твого сына знаю,
Три разъ на день попасъ маю,
Со лба очи выберaю;
Иди стара до домочку,
Вôзьми пêску въ праву ручку,
Посѣй его въ городочку,
Якъ той пêсокъ въ гору сôйде,
Тогдѣ твôй сынъ до тя прійде.»

ПѢСНИ ОПРИШКОВЪ,

или

КАРПАТСКИХЪ ГОРЦОВЪ.

═

24.

На высокои полонôнцѣ изродили рыжки,
Да чи пôдемъ, пане брате, на веснѣ въ опришки?
А вробимо топорчики да съ самои стали,
Да не покличмо мы никого, пôдимъ-ко мы самы;
А вробимо топорчики да съ самои мѣди,
Якъ наскочимъ у вôконцѣ, ти зазнаемъ бѣды. (*)

(*) Полонинами называются у Карпатцевъ — высокія горы, Альпы; выраженіе «наскочимъ у вôконцѣ» — есть ли пойдемъ разбойничать.

«Ой псьтявъ я, побратôмку, жидовську детину,
Да ще я, побратôмку, за ню пезагину.
А йимуть ровты (*) нзбираты, за нами гонити,
А мы будемъ съ Файновъ любковъ мѐдъ, горѣвку пити;
Будуть ровты избирати, а йимуть насъ шукати,
А мы будемъ съ Файновъ любковъ пити да гуляти.»
....
«А шобъ ты, мôй миленькій, такій веселенькій,
Якъ у лѣтѣ въ Черногорѣ вѣтеръ студененькій.»
«А шобъ ты, моя мила, така веселенька,
Якъ у лѣтѣ въ Черногорѣ вода студенепька.»
«А шобъ ты, мôй миленькій, тогдѣ ожепився,
Якъ у морѣ на каменѣ тытинъ уродився.»
«А шобъ ты, моя мила, тогдѣ вôтдалася,
Якъ у морѣ на каменѣ роса розвилася.»

25.

А що у тый Черногорѣ за вороны кони?
Ходимъ брате, въ гайдамаки, чуемъ за червони....
Ой и чуемъ за червони у Пана молодого,
Да якъ бы ихъ та ужити съ двора головного?. ..
Ой я знаю, пане брате, якъ бы ихъ ужити,
Молодого того Пана до стѣны прибити,
Ой прибити руки, ноги, ще мѐжи плечима,
Шо-бы вôнъ ся на насъ дививъ чорными очима.»

26.

Заковала ми зазулька та на перелетѣ,
Присягала дѣвчинонька да на пистолетѣ;

(*) Роты.

Присягала, присягала, гадочку гадала:
Шобы тото пистолетко куля розметала
Да шо я такъ молоденька на нёмъ присягала.

27.

Заковала зазуленька, заковала жовта,
Сѣдогонила Легинико̂въ (*) на Рекетѣ ровта,
Але ишли Легиники, да все гомотѣли,
Якъ учули да ровто̂чку внѣ ся розлетѣли;
Але ишли Легиники, самы побрато̂мы (**),
Одинъ упавъ у негоду, вси его лешили.
Але ймâли да Пилипка за бѣлы рученьки,
Да узяли да Пилипка до неволе̂ченьки,
А замкнули да Пилипка у желѣзны свêрни,
Да узяли да Пилипонька до самый Надво̂рнѣ.
Якъ я собѣ поворожу воскомъ на порозѣ,
Да чи правда шо ймâли Пилипка у дорозѣ;
Якъ я собѣ поворожу на яро̂й пшеницѣ,
Да чи правда шо губили Пилипка въ вязницѣ?
Они его да губили за топорець ясный,
А люде ся дивовали — якій-же во̂нъ красный,
Ой люде ся дивовали — якій во̂нъ хорошій;
А Паны ся чудовали — ко̂лько мае грошей!
Не пасе во̂нъ чтыри роки, ни козы, ни во̂вци, —
Лише прятавъ у кобо̂вку бѣлы сороковци.

Прим. Але. (Нѣм. Allein.) — но, однако; лишити (ст. Русское) отказаться, отчуждаться; Пилипко — Филиппъ; кобовка — мѣшокъ, калита;

(*) (Венгер.) Молодецъ, Гайдамакъ (здѣсь г выг. какъ g).

(**) Побратоми — друзья, давшіе клятву — жить и умереть вмѣстѣ. Въ Малороссіи, въ старину, для вступленія въ побратомство соблюдался обрядъ, при которомъ вступающіе въ сей союзъ, пущали кровь изъ мезиннаго пальца, смѣшивали ее съ молокомъ — и выпивали вмѣстѣ; вѣроятно, этотъ обычай существуетъ и у Карпатскихъ Горцевъ.

грошы — деньги; бѣлы сороковци — какая-то серебряная Австрійская монета. Къ сожалѣнію, въ собраніи пѣсень Галицкихъ, Г. Вацлава, помѣщены четыре только пѣсни, гайдамаковъ Карпатскихъ.

КОЛОМІЙСКІЯ ПѢСНИ.

Между простолюдинами Червоной Руси, въ большой славѣ находятся, такъ называемыя Коломійскія пѣсни; онѣ, подобно Польскимъ Краковякамъ, соединяютъ краткость, остроту, и, нерѣдко имѣютъ прекрасные голоса, — въ нихъ виденъ весь насмѣшливый характеръ Малороссіянина, которому въ злополучной годинѣ, осталось одно утѣшеніе — сарказмъ. Округъ Коломейскій, находится въ южной Галиціи между Днѣстромъ и Прутомъ; это древняя Бакотія, бывшая одною изъ богатѣйшихъ провинцій Галицкихъ Князей, изобильная солью и естественными произведеніями; въ послѣдствіи она называлась Покутіею. Вотъ образцы Коломійскихъ пѣсень:

28.

«Ой чого ты поскрипуешъ, ты ядлова хато?»
Нема добра въ нашêмъ селѣ — бо Панôвъ богато.

29.

«Повѣй, повѣй, буйный вѣтре по высокій горѣ,
Да розчеши кучерики (*) по моей головѣ.»
Хочъ я буду да по горѣ высокій вѣяти,
Таки треба кучерики гребенемъ чесати.

30.

Якъ идете хлопци въ танець, берить рукавици:
Маты стоять якъ коровы, — дочки якъ телици.

31.

Ой пôду я на ярмарокъ, ей тото упьюся,
Покажу вамъ тыи штуки — що перевернуся.

32.

«Чоловѣче бѣсноватый! нащо жѣнку продавати?»
Ой видить самъ Господь съ неба, на податокъ (**) грошы
треба.

33.

Верни мои подарунки, верни мои гроши,
Твоя мати говорила, що я не хороший!

34.

Ой ишовъ я черезъ село, та ми було стидно:
Несу курку пôдъ полою; а ій хвостикъ видно.

(*) Мал. кудри.
(**) Подать.

35.

На що-жъ тобѣ, пане брате, торбину двигати,
Лѣпше тобѣ, пане брате, людѐй розбивати;
Чи знаешъ ты, пане брате, що будемъ дѣяти?
Вырѣжемо песьихъ врагôвъ, будемъ пановати;
Чи видишъ ты, пане брате, за лѣсомъ могила?
Чи ты умрешъ, чи повиснешъ (*), разъ мати родила.

36.

Ой не кури, Вуйку, мольку, въ моёй хатчинѣ,
Не выкури очи чорны молодый дѣвчинѣ.

37.

Ходить воликъ по надъ Дунай сумненько боРыче:
«Выйди, выйди дѣвчинонько, бо тя хлопець клыче.»
Ой не выйшла дѣвчинонька, ено еи мати:
«Кому треба моёй доньки, най иде до хаты!»

38.

Не видавѣсь, пане брате, видай наши бѣды,
Яке лихо въ нашêмъ краѣ спробовати пôди,
У насъ кажда неборакъ ѣсть безъ хлѣба рака,
И недѣля и пятниця у насъ все еднака.
А мы лиха не знаемъ хочь и вчужимъ дому,
Не клапяемся за грôшъ, ни за хлѣбъ никому,
Бо маемо подостатокъ и ѣсти и пити,
А якъ съ гульки до домоньку, есть де вôтпочити.

(*) На висѣлицѣ.

Мы пôвъ рока доберемъ, въ нêмъ осмакъ снайдемо
Кусокъ хлѣба не знайдемо, якъ до домъ прійдемо;
А якъ якій грôшъ заробимъ, минется въ дорозѣ,
А пришовши до домоньку, лихо на порозѣ.
Мы хорошо прибраныи, ѣсти, пити — потô
Хорошенько ходимо не знавши роботы;
Нехай робять гарлаки, мы о томъ незнаемъ,
Намъ посѣють, намъ сберуть, а мы пашу маемъ.
Я пришовши изъ дороги, тупчу коло хаты,
Жêнка кричить и не дае до себе пристати:
«Поди, поди сатано, пропивесь худобу,
А я пôду на Украину съ дѣтьми на свободу.
Ты сълякався кочерги, тай утêкъ вôтъ жêнки.
«Мы хорошы Козаки впали межи стѣнки;
Не боимся ни Ляховъ, ни Ляцькои шаты,
Якъ насъ схотять сполошити — утекнемъ до хаты.»

43.

Вотъ еще другая пѣсня, кажется, одного происхожденія съ Русскою. Галицкій Цюра есть дурачекъ Киршы Данилова, въ древнихъ Русскихъ стихотвореніяхъ, изданныхъ Г. Каладовичемъ.

Ѣхавъ Цюра изъ Варшавы,
На нêмъ сини шаравары,
И канчукъ у бока,
Не боится мужика.
Бѣда Цюру искусила,
Що вонъ вступивъ до Русина,
Въ него шапки не снявъ,
Помогай-Бôгъ не вôтдавъ.

«Подай менѣ жёнко бучка,
Теперь буду вчити братка
Помогай-Бôгъ давати,
Въ домахъ шапку сдôймати.»
Порвавъ Цюра за чуприну:
«Теперъ знаешъ, сучій сыну,
Помогай-Бôгъ давати,
И шапку изняти.»
Иде Цюра дорогою,
Ажъ тамъ плыне гусь водою:
«Помогай-Бôгъ бѣла гусь!
Навчила мя здѣшня Русь.»
Вôтшовъ Цюра вôтъ гуси,
Ажъ тамъ бѣжить медвѣдь куцый;
Що то Русинъ, Цюра думавъ,
Шапочку снявъ, помогай-Бôгъ давъ.
Медвѣдь думавъ шо то лиравъ,
Тай Цюрѣ голову обôрвавъ,
И не оставивъ его на дорозѣ,
Но потащивъ въ бѣлы лозы.
Прибѣгла ласка да ему каже:
«Ой встань, Цюро, не лежи,
Ой встань, Цюро, не вмêрай,
Еще со мною поиграй.»
Идуть купци изъ Варшавы,
Взяли его поховали,
Лежить Цюра въ дубинѣ:
Не кланяеться дурнинѣ.

44.

Ой пôдъ лѣсомъ, дубиною,
Косивъ ячмень сокирою,
А дѣвчина громадила,

Козаченька принадила:
«Ой Козаче черновусый,
Чомъ у тебе жупанъ куцый.?»
— Мене дѣвки пôдпоили,
Жупанъ менѣ пôдкроили.

45.

Ой темна, темна, ой та невидненька, та пане брате, нôчъ, нôчъ,
Ой полетѣла сива голубонька та вотъ голубонька прôчъ, прôчъ;
Ой летить, летить сива голубонька та лѣсами, горами,
Ой сдыбаеться сива голубонька та съ сивими соколами:
«Ой чого, чого сива голубонько та раненько лѣтаешъ,
Ой лебонь-же ты сива голубонько, голубонька покидаешъ?»
Ой — покидаю сивого голубка и дробненькіи дѣти,
А сама лечу, сама полечу мешканенька глядѣти.
Ой у недѣлоньку дуже раненько, якъ по стало свѣтати,
Ой полетѣвъ-же сивый голубонько голубоньки шукати;
Ой летить, летить сивый голубонько та лѣсами, горами,
Ой сдыбаеться сивый голубонько та съ сивыми соколами:
«Ой чого, чого сивый голубоньку, голубоньки шукаешъ;
Ой бо та-жъ, бо та-жъ сива голубонька та набралася пуду,
Ой якъ стрѣпнула сивыми крыльцями ажъ за Дунай-воду.»
Ой полетѣла сивая голубонька за Дунай-воду пити,
Ой тамъ за нею сивый голубонько, та ставъ съ нею говорити:
«Ой помогай-Бôгъ, сивая голубонько, ой ты миленька моя!»
— Ой бодай здоровъ, сивый голубоньку, — та вже я не твоя. —
Ой летѣвъ, летѣвъ сивый голубонько та сѣвъ собѣ на купцѣ:
«Ой прилети-жъ, моя сивая голубонько, та будемъ жити въ купцѣ!»

Ой летѣвъ, лѣтѣвъ сивый голубонько та сѣвъ собѣ на гôльцѣ,
«Ой не вѣръ, не вѣръ сивои голубонцѣ — та *якъ человѣкъ жêнцѣ.*»

46.

Якъ я була молода,
Була въ мене урода;
А теперъ я уроду
И въ зеркалѣ не снайду.
Гей, гей, докучило бровоньками моргати,
Ахъ, ахъ, дай-же Боже, того мужа дôждати.
Пôду фарбы накуплю,
Лице собѣ побѣлю;
Чи не снайду такого,
Шо полюбить мя много.
Гей, гей, докучило бровоньками моргати;
Ахъ, ахъ, дай-же Боже, того мужа дôждати.
Припну фартухъ дорогій,
Золотыи береги,
А срêбная середина:
Чи не красна я дѣвчина?
Гей, гей, докучило бровоньками моргати;
Ахъ, ахъ, дай-же Боже, того мужа дôждати.
Возьму шубу съ аксамиту,
Соболями пôдшиту,
Золотыи галóны,
А срêбныи запоны.
Гей, гей, докучило бровоньками моргати,
Ахъ, ахъ, дай-же Боже, того мужа дôждати.
Чобôточки съ сафьяну,
За сêмъ золотыхъ дôстану,

Да выкрешу голубця: (*)
Чи не сваблю молодця.
Гей, гей, докучило бровоньками моргати;
Ахъ, ахъ, дай же Боже, того мужа дôждати.

ПАСТУШЕСКІЯ ПѢСНИ.

47.

Пôшли вôвци въ полонинку писаною колеѐю:
«А хто васъ ймет выпасати якъ я ся оженю?»
Имуть опи ся самы пасти, самы выпасати,
За вôвчаремъ золотаремъ у край позирати.
Ой вôвчарю золотарю, покинь вôвци пасти!
«Непокину хоть загину, я ся не вчивъ красти;
Укравъ бы я два баранци, а третю ягипцю,
Воны на мене-бъ сбудовали нову шубпницю.»

(*) Иначе: буду танцовать голубца. Это, какъ видно, новѣйшая пѣсня; подобныхъ въ огромномъ сборникѣ Г. Вацлава, находится весьма много. Предѣлы моего собранія не дозволяютъ здѣсь помѣстить ихъ. Можно сказать, что въ Галиціи народная пѣсенность процвѣтаетъ во всемъ блескѣ; многочисленностью своихъ пѣсней, разнообразнымъ ихъ содержаніемъ, превосходными голосами, Червонорусцы берутъ преимущество, въ этомъ отношеніи, предъ всѣми Славянскими народами, и едвали не могутъ состязаться съ Италіянцами и Испанцами. Во Львовѣ безпрерывно выходятъ новыя собранія Червонорусскихъ пѣсенъ съ нотами. Честь и слава нашимъ однородцамъ!

48.

Пôшли вôвци въ полонинку сами бѣленькіи,
А за ними вôвчарики сами молодіи:
«Ой чому вы вôвча́рики та не спѣваете,
А де свои спѣваночки да подѣваете?»
Ой мы свои спѣваночки подѣнемо, подѣнемо,
Въ полонинцѣ съ овечками на шварy посѣемо.
Мы посѣемо спѣваночки довгими нивами,
Будемъ ся умивати дрôбными слёзами:
А йимуть туда вôвчарики съ вовцями ходити,
Будуть нашы спѣваночки люби находити;
Йимуть за ними вôвча́рики тай овечки пасти,
Будуть нашы спѣваночки за капелюхъ (*) класти.

49.

Чи ты мене вчаровала, чи трутôвки дала,
Ой що-жъ бо ты менѣ розумъ совсимъ вôтобрала?
Ходжу, нуджу гукаючи, говорю съ собою:
Чи тужишъ ты такъ за мною, якъ я за тобою?
Заковала зазуленька по пôдъ небесами,
Заплáкавъ-же Ивасенько двома голосами:
Личко твоé румяное краснѣйше надъ рожу;
Я тя бѣдный, молоденькій забути не можу.

(*) Шапка съ длинными ушами; также мѣшокъ, капишонъ, въ Малороссійскомъ кобеднякѣ.

ПОМИНАЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

50.

Хора я хора, мусить я умру,
Идить-же приведить, кого я люблю,
Приведить-же ми попа, приведить ми дяка,
Най я спишу худобоньку (*) за свого житья.
Маю я чтери волоньки,
Шо-бы мене ховали чтыри попоньки;
А донькамъ дамъ съ шыи корали,
Шо-бы мене положили красно на лавѣ;
А невѣсткамъ дамъ скрыню и подушеньки,
Шо-бы за мною заводили — якъ ластовоньки;
Сынови дамъ сѣру корову,
Шо-бы мене выпровадивъ красно до гробу;
А пôдзвôнному дамъ сêмъ мѣръ полотна,
Шо-бы менѣ дзвонивъ цѣлый тыждень що-дня;
А дякови дамъ пять мѣръ полотна,
Шо-бы менѣ псалтырь читавъ до дня;
А грабарови дамъ стару кожушину,
Шо-бы на менѣ высыпавъ велику могилу,
А сусѣдямъ дамъ корець пшеници
Шо-бы мене споминали при пьятницѣ.

(*) Худоба — пожиткі.

ЗАЖНИВНЫЯ ПѢСНИ.

═

51.

Выйди паноньку до насъ,
Выкупъ си вѣнець у насъ,
Положи червоного,
Вôтъ вѣнця полового;
Бо якъ не выйдешъ до насъ,
Не выкупишъ вѣнця у насъ,
До корчмы понесемо,
Горѣвки напьемо,
Занесемо до Жида, —
Буде, пане, огида (*).

52.

Казала намъ нивка,
Шо е въ пана горѣвка,
Въ коморѣ на полицѣ,
Въ крысталевый скляницѣ;
Въ коморѣ пôдъ лавою,
Приросла муравою.

(*) Произ. отъ гадкій — гадость.

53.

На горѣ крениця,
Коло неи пшениця,
Жали іи женци,
Та сами молодци, —
Хлопци вусатыи,
И дѣвки косатыи.

54.

Добра нивонька була,
Сто кôпъ изродила:
Що копа то колода,
Панови нагорода.
Запрягайте волы,
Ѣдьте по пôдпоры,
Скиртоньки пôдперати,
Вязальникôвъ поспрашати.

55.

У нашого пана,
Золотая брама,
Золотая приспа,
Сила — вязальникôвъ триста:
Добру доленьку мае,
Рано съ поля сбережае,
Тôлько тужаночки,
Що жêнки не мае.

СВАДЕБНЫЯ ПѢСНИ.

1.

Чорная галенько, чорненька,
Дежъ-бо ты сокола завелá?
«Ой нигдѣ я его не вела,
Самъ за мною летѣвъ,
За моимъ летаньемъ тихенькимъ,
И за перонькомъ чорненькимъ.»
Красная Маруненько, красна,
Де-жъ бо ты Ивасенька завела!
«Нигдѣ-жъ я его не вела,
Самъ вôнъ за мною приѣхавъ, —
За моимъ ходенькомъ дрôбненькимъ,
За моимъ личенькомъ бѣленькимъ.

2.

Короваёве тѣсто
Не смѣсилося въ мѣсто,
Но ся влѣзло на рынокъ,
Зацвѣло якъ калинокъ.
Ой годѣ, годѣ пшеницѣ,
Сêмъ лѣтъ въ стозѣ стояти,
Часъ изъ тебе коровай опхати;

Ой сбере Петруненько (*),
То ся тый красный удавъ:
Подôшва ему желѣзна,
Обручи ему сребныи,
А на вершочку жовтый цвѣтъ:
Славный нашъ корова на весь свѣтъ.

3.

Пойшовъ староста въ Угорьскую землю
Угриночку влюбити;
Угриночку си влюбивъ,
Господь му не присудивъ;
Бо въ Угорьской землѣ
Куроньки не поють,
И свѣтъ не свѣтае,
И соненько не сходить,
И дробенъ дощъ не йде,
И травонька не росте,
И коникъ ся не пасе.

4.

Поѣхавъ стáроста на ловы
Въ темныи лѣсы, дубровы,
Тамъ его дробный дощъ нагонивъ,
Лысыи шубоньки помочивъ.
Ажъ ся стáроста сдумавъ
Учила тое сваненька:
Не журися стáростоньку,
Я твои суконьки посушу
Я твое личенько прекрашу.

(*) Имя жениха.

5.

Ой просивъ Петруненько
Своеи матеньки:
«Ой ты матенько рôдненька,
Прошу я тебе,
Не жени ты мене,
Най я собѣ погуляю,
Якъ та рыбка по Дунаю!»
Гулявъ ты сыноньку
На едну зимоньку;
Часъ тебе оженити,
Людьми постановити.

6.

Грôмнула щука рыбонька на морѣ,
Приплило золото и серебро до берегу,
Старостому кониченькови до чола,
Шо-бы ся свѣтивъ, якъ ясная зоря,
Ой шобы вôнъ съ дороженьки не сблудивъ,
Щобы вôнъ крамскихъ сорочокъ не сгубивъ.

7.

Розточено, поволочено по сѣняхъ,
Розстелено лённы скатерти по столу,
Куда ми ишла красна Марусенька на посагъ;
Пытаеться, довѣдуеться вôтъ батенька,
А вôтъ кого, мôй батеньку, посагъ ставъ?
Вôтъ Бога, вотъ добрыхъ людей, дѣтятко,
Посагуеть самъ Господь Богъ съ ангелами,
Посагуеть тя, мое дѣтятко, съ другами.

8.

Де ся ми дѣвъ, де ся ми подѣвъ Марусенькинъ батенько,
Чомъ не выйде до новои свѣтлоньки,
Чомъ не стане до тисового стола,
Чомъ де даруе своего дитятка?
«Ни червоными, ни золотыми дѣтятко даровати,
Ино счастьемъ и здоровьемъ и добренькою доленькою.»

9.

Обдарована Марусенька:
Гривнями золотыми,
Талярами битыми:
Она гривнêвъ не брала,
По столѣ посувала:
«Лежьте, полежьте гривноньки золотыи,
Таляры битыи,
Я пôду ступаючи,
Два двори минаючи,
А на третьêмъ стану,
Стану послухаю,
Що батенько говорить:
Давъ ми ся Бôгъ дôждати
За людей детя дати.

10.

Ой куры, куры не пôйте рано,
Бо теперъ нашъ стáроста съ дороги прiѣхавъ,
Пустивъ коника до пастовника́,
А самъ пôшовъ въ садъ виноградъ,

Выломавъ квѣточку, виноградную квѣточку:
Ударивъ сваненьку по бѣломъ личеньку, —
Ажъ ся сваненьцѣ личко смѣнило,
Не такъ ся смѣнило, якъ зарумянило.

11.

Благослови Боже и ты рôдный батеньку!
Де-жъ твôй, Марусеньку, старшій братъ,
Що твои косы розплêтавъ?
Де твои выплетки подѣвавъ?
Чи на тихій Дунай попускавъ,
Чи молодшои сестриньцѣ даровавъ?
Де твои, Марусенько, ковали
Що твою косеньку ковали?
Та нехай прійдуть розкують
Все собѣ сребро, золото заберуть.

12.

Въ недѣлоньку рано
Въ селêнѣ заграно,
Заграно и забубнено,
Бояры побуждено:
«Вставайте Бояры, вставайте,
Коники сѣдлайте,
Сами ся убирайте,
Бо поѣдемо ранкомъ,
По пôдъ высокимъ замкомъ,
Будемъ замки ломати,
Марусеньки дôставати!»
И замкôвъ не ломали,
И Марусеньку достали.

13.

Пôшовъ Ивасенько
До стояночки,
Кониченька сѣдлати;
Кониченька сѣдлае,
Съ тихенька гадае,
Слёзами ся вмивае.
Пришла до него
Матенька его:
«Чого Иваненьку плачешъ?»
Ой якъ же менѣ,
Моя матенько,
Молодому не плакати,
Самъ я не знаю,
И не сгадаю.
И не скажуть люде, —
Яка ми доля буде.

14.

Радиться Ивасенько
Своего батенька:
Порадь менѣ батеньку,
Якъ много боярôвъ брати?
«Сыноньку, Ивасеньку,
Шо силонька сможе,
Господь Богъ да поможе:
Хочь сто конѣй верховыхъ,
А се двадцять возовыхъ.»

15.

Червоно калинонько (*)
Ѣхавъ старостонько,
Со своими боярами;
Ему калинонька дорогу заступила:
Выйнявъ шабельку,
Выйнявъ красненьку,
Ставъ калину рубати;
До него калина,
До него червона
Стала перемавляти:
Не для тебе, старосто,
Калина саждена,
Ено для тебе
Сваненька срождена.

16.

Сивая зазуленька,
Не лѣтай раненько
На яру пшениченьку,
Бо тамъ на тебе
Сивый соколъ засяде,
Сгляне тя очѐньками,
Пойме тя крилоньками,
Занесе въ темнои лѣсоньки,
Межи чорныи галоньки,
Тамъ будешъ ковати,

(*) Вмѣсто: червоною калиною или черезъ червону калину. Прим. Г. Вацлава.

Никому не слухати!
Красная Марусенько,
Не выходь раненько
На нове пôдсѣненько,
Бо тамъ на тебе
Самъ король засаде,
Сгляне тя оченьками,
Возьме тя рученьками,
До чужои сторононьки,
До чужои матоньки,
Тамъ будешъ плакати,
Никому пожаловати!

17.

Въ лѣсѣ, лѣсѣ буковôмъ,
Ой шло, шло два тесéльчика;
Сѣкуть, рубають самбôръ деревце,
Сѣкуть, рубають, на Дунай пускають,
Чи упôрне, уворне самборъ деревце,
Чи пôйме, чи возьме староста сватеньку?
Не впôрне, ни увôрне самборъ деревце,
Ни пôйме, ни возьме староста сваненьку.

18.

Ой у саду вишенька,
По пôдъ нею стеженька;
Питався староста,
Кто ту стеженьку утоптавъ?
Ой утоптавъ ею
Молодый дружбиненько,
Съ вечера ходячи,
Подарунки просячи.

19.

По за Дунаёмъ кони
Сывыи и вороныи;
Журився старостонько,
Кому-бы поплынути,
Стаденько повернути?
Учула тое сваненька:
Не журися старостеньку,
Положу ти мосты
Съ бѣлои рыбы кости,
Тудâ-жъ ты переѣдешъ
Вороне стадо вернешъ.

20.

Пôдъ дубровою,
Пôдъ зеленою,
Дрôбна pосонька впала;
Тамъ Марусенька,
Тамъ паннуненька
Красу розсѣвала.
Прійшовъ до неи
Батенько еи:
«Що дѣешъ Марусенько?»
Тое я дѣю,
Красеньку сѣю,
Изъ рукавця вытрясаю;
Ой якъ ми Богъ дасть
Добру доленьку,
Я ею посбераю;
А якъ ми Богъ дать
Лиху доленьку;
То ю понехаю.

21.

Наѣхали гостеньки
Изъ чужои стороненьки,
Взяли си пôдпивати:
«Иди, Марусеньку,
Въ нашу стороненьку;
Въ сторонѣ нашыи —
Гороньки золотыи,
Травоньки шовковыи,
Рѣчоньки медовыи......»
Прилетѣла зазуленька,
Сѣла си въ окôночку,
Тай стала ковати,
Всимъ правду казати:
«Свѣтъ-же я облêтала,
А того не видала;
Всюда горы земляныи,
Травоньки зеленыи
Рѣченьки водяныи.

22.

Ой летѣвъ соколенько черезъ три лѣсы,
А на четвертôмъ ставъ на попасѣ,
Ставъ на попасѣ въ галеньки на гнѣздѣ;
А ему галенька дуже раденька,
Ягодки сбирае, соколенька пріймае.
Ой ѣхавъ Ивасенько черезъ три селы,
А на четвертôмъ ставъ на попасѣ,
Ставъ на попасѣ въ тестенька на дворѣ;
А ему Марусенька дуже раденька,
Дала коневи зеленого сѣна,
А ему молодому и меду и вина.

23.

Ходить садôвникъ по садоньку,
Вишни, черешни личить;
«Ой è же мои вишни, черешни,
Ино сливоньку стято,
Стято, порубано,
И трêсочки позбëрано!»
Ходить батенько по свѣтлоньцѣ,
Всю челядоньку личить:
«Ой è же моя вся челядонька
Ино едной нема......
Марусеньку взяли,
Въ чужину завели!»

24.

Чорна ся галонька журила,
Шо зарано вылетѣла;
Всюда морозъ, всюда снѣги,
Нигде сѣсти гнѣзда вити,
Дѣтоньки выводити!
Красна ся Маруня — журила
Шо молода замужъ пôшла;
Ни якъ си радоньки дати,
Не умѣе ни въ полю робити;
Ни въ дому господарити!
Вчувъ тоè король Ивасенько:
«Не журися Марусенько,
Ой è въ мене рôдна мати,
Що тебе буде вчити
И въ полю робити,
И въ дому господарити.

25.

Ивасева мати двери пôдхиляла,
И съ зорою розмавляла:
«Ой зоре моя, зоре, зоренько вечерняя,
Тожесь ми присвѣтила:
До дому мытницю,
До поля робôтницю,
До коморы ключницю (*).

26.

Казавесь кленовый листочку,
Шо не будешъ падати,
А теперъ падаешъ,
Земленьку крыешъ,
Бо лютый морозъ чуешъ!
Ой казавесь мôй батеньку,
Шô мя не дашъ вôтъ себе,
А теперъ даешъ
Таи самъ не знаешъ,
Що за доленька буде,
«Тото ти даю,
Що въ дому маю,
Доли ти не сгадаю.»

(*) Всѣ эти 25 свад. пѣсень, поютъ въ Жолкіевѣ, на сѣверѣ отъ Львова, въ древнемъ Белзскомъ или Выслоцкомъ удѣлѣ — Русскихъ Вольньско-Червеньскихъ Князей.

27.

До Нѣмець, братчику, до Нѣмець,
Купити щоточку, гребêнéць,
Розчесати русу-косу пôдъ вѣнéць.

28.

Грайте музыки рѣзко,
Склонися Маринючнизко,
Всêй своêй родинонцѣ,
Найменьшôй детинонцѣ.

29.

Ой Татаръ братчикъ, Татаръ
Продавъ сестру за талярь,
Русу-косу за шостакъ,
Румяне личко таки такъ!

30.

Сърôвна дружбонько, сърôвна,
Край коровай съдрôбна;
Треба ся складати,
Всю родину даровати.

31.

Мы роду не дѣвовского,
Мы роду старосвѣцкого,
Мы до васъ не ходили,
Короваю не просили.

32.

Ой встанимо, подіймимося,
Сдіймêмо шапочки, поклонимося,
На передъ Богу, господареви,
Господароньцѣ и кухароньцѣ,
За хлѣбá принесеннѣ,
За пива приставленнѣ,
За студеную воду,
За добрую сгоду.

33.

Дякуемо вамъ люде,
За хлѣбъ, за сôль, за горѣвку,
И за хорошу дѣвку.

34.

Спытайся Мариню, мамы,
Чи поѣдешъ ты съ нами?
Завеземо тя въ горы,
Нêповернешъ николи!

35.

Та дайтежъ намъ, дайте,
Щосьте намъ обѣцяли:
Три подушокъ имховыхъ,
Сто золотыхъ готовыхъ,
И тое простирало,
Що шовкомъ вышивано.

36.

Не забувай мати,
Шовковый чепець дати,
И мѣховыи подушки,
Щобы спали двѣ душки.

37.

Ой попе, попе, батьку нашъ,
Отвори церковцю, пусти насъ.

38.

Повѣвъ вѣтеръ по горѣ,
Прійшовъ молодый зъ войны;
Ой де стане, земля тане,
Куда гляне, трава вяне,
А каже Львовъ розбивати,
Королêвну добувати;
Ой молодый ты небоже,
Най ти Господь да поможе, —
Королêвна не твоя рôвна.

39.

Убита ми дорôжка до Львова,
А посаженый тамъ виноградъ,
Ходить коло него Маруня,
Ходить тай заснула;
А иде туда батичко:

А вломивъ бы я того винограду,
Та не вмѣю,
А сбудивъ бы я Марьичку,
Та не смѣю.
Убита ми дороженька до Львова,
А посаженый тамъ виноградъ,
Ходить коло него Марьичка,
Ходить, тай заснула;
А иде туда миленькій,
Виноградъ ломати вмѣе,
Марьичку сбудити смѣе.

40.

А мы въ церкви були,
Щосьме тамъ видѣли?
Два вѣнци, на стѣнцѣ,
Молодимъ на головцѣ.
Ой попе, попе, батько нашъ,
А попъ ихъ и свѣнчявъ,
Двое дѣти зъ мêжи насъ.
Одно дѣтятко — Марьичку,
А друге Василько.
А дякуемо попочкови,
Свому батечкови,
Шо насъ не забавивъ,
Не богато съ насъ правивъ;
Лешъ жовтого червоного
Вôтъ пана молодого.

41.

Що-жъ мы тобѣ привѣли,
Выйди матечко, погляни,
Чи калиночку, чи малиночку,
Чи молоду невѣсточку?
А де калина стята,
Тамъ молоденька взята,
Вôтъ вôтця, вôтъ мати,
До молодого хаты,
Вôтъ роду великого,
До богацького дому.

42.

Домашина мати
По улицѣ ходить,
Сусѣдъ своихъ просить:
Та сусѣденьки мои
Да ходить до мене,
Та слѣпить коровай красный,
Якъ на небѣ мѣсяць ясный;
Пôдете съ шишочками (*),
Якъ на небѣ съ зôрочьками.

(*) Небольшіе хлѣбы, на верху у нихъ изображаются шишки или голуби; они обвиваются въ Малороссіи «червоными жичками» и украшаются ягодою калины — она есть символъ цѣломудрія.

43.

А не вѣй вѣтре въ лозы,
Повѣй по дорозѣ,
Розвѣй русу-косу,
По червонимъ поясу!

44.

Съсѣченая калиночка, съсѣченая,
А вже наша Домашка свѣнчая;
Жовты чобôтки на нозѣ,
Що купивъ въ мѣстѣ на торзѣ.

45.

Полети соколеньку, попередъ насъ,
Занеси вѣстоньку вôтъ насъ,
Нехай выходить матенька съ колачемъ,
Свѣнчали еи дочичку съ паничемъ,
Чи съ паничомъ, чи не съ паничомъ,
Свѣнчали ею съ мужикомъ,
Связали бѣлы ручки ручникомъ.

46.

Глянь матенько, на мôй посагъ!
Всѣхъ дружочокъ плетена коса,
А на мене тaкá, падь пала, —
Що я свою розчесала,
Кôсками плечи окрыла,
Слёзками личко умила!

47.

Ковала зазулочка въ садочку,
Прихиливши головочку къ листочку;
Що-жъ она куючи казала?
Шо не буде у свекрухи, такъ я въ мати мала,
Шо не буде на уленьку пускати
Ено буде въ хатѣ держати.

48.

Хвалилася Княгиня,
Шо е даро̂въ скрыня;
Хиба ихъ не маете,
Шо намъ ихъ не даете.

49.

На соколово̂мъ полѣ
Слетилися соколы,
Межи ними соколонько,
Межи ними сивенькій,
Крылоньками махае,
Летѣтоньки (*) гадае,
Въ темныи лѣсоньки,
Межи чорны галоньки,
Тамъ му галонька мила, —

(*) Уменьшительная степень глагола летать; въ Малороссійскомъ нарѣчіи, глаголы и многія нарѣчія имѣютъ степени сравненія.

Бо гнѣздочко увила,
Увила, перевивала,
Вѣникомъ пообладала.
На Ивасёвомъ дворѣ,
Съѣхалися бояры,
Межи ними Ивасенько,
Межи ними молоденькій,
Въ руцѣ шапочку носить,
Свои бояры просить:
«Бояры молодыи!
Учинить волю мою,
Да ходить со мною до тестенька на дворъ,
До Маруненьки за стôлъ:
Тамъ ми Маруненька мила —
Бо ми сорочку ушила.

50.

На горѣ, на горѣ зеленый барвинокъ,
А на тымъ барвинкови перепелонька грае.
А хто-жъ тую перепелоньку словить?
Старостонька мовить:
Я-жъ бо не пôду,
Мôй кôнь сивенькій
На камêнь не ступить,
Камêня не влупить,
Нимъ пôдъ гору ввôйде,
И соненько сôйде.
На горѣ, на горѣ зеленый барвинокъ,
А въ тымъ барвинкови перепелонька грае,
А хто-жъ тую перепелоньку словить?
Дружбонька мовить:
Я-жъ бо не пôду,

Мôй коникъ сивенькій,
На камêнь не ступить,
Камêня не влупить,
Нимъ пôдъ гору ввôйде,
И соненько сôйде.
На горѣ, на горѣ зеленый барвинокъ,
А въ тымъ барвинкови перепелонька грае,
А хто-жъ тую перепелоньку словить?
Хорунжій мовить:
Я-жъ бо не пôду,
Мôй коникъ сивенькій,
На камêнь не ступить,
Камêня не влупить,
Нимъ пôдъ гору ввôйде,
И соненько сôйде.
На горѣ, на горѣ зеленый барвинокъ,
А въ тымъ барвинкови перепелонька грае,
А хто-жъ тую перепелоньку словить?
Цѣлый свѣтъ мовить:
Василько пôде,
Его коникъ сивенькій,
И на камêнь ступить,
И камêня влупить,
И пôдъ гору ввôйде —
Нимъ соненько сôйде
И перепелоньку вхопить:
Перепелонька Марусенька, —
Взявъ ею за рученьку,
Повêвъ до батенька.

КОНЕЦЪ.

2007113314